

ТЫ ЕДИНИЦА СОГЛАСИЯ И РАЗДОРА,
МЕЖДУ ВОЗМОЖНЫМ И НЕВОЗМОЖНЫМ

Ā

Ω

*Ratione magis
quam aurum*

УРАТМИР

КОТЁЛ ЖЕЛАНИЙ

A STORY WRITTEN BY
BURKIN DMITRIY

18+

Дмитрий Олегович Буркин УРАТМИР КНИГА II : КОТЁЛ ЖЕЛАНИЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25445885

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1543-9

Аннотация

Заветная цель человечества, стать «Справедливым». В ходе незыблемого процесса её достижения, люди усердно убивают, грабят, лгут, обманывают... Как думаете, такой путь приведёт нас, к заветной цели – «Станем мы справедливыми»? Великое будущее, где человек имеет возможность управлять временем, либо «есть», либо «нет»! Если оно «есть», то, как это не прискорбно осознавать, человеческая мясорубка, это путь к успеху! Нам в «настоящее», машут и улыбаются супер развитые люди будущего! Которые созерцают, смерти миллиардов, до их будущего венценосного часа!

Уратмир

Книга II: Котёл Желаний

Погрешность власти в её оборотной или побочной стороне:

Власть дала возможность, по мере своего возрастания, избавиться от выполнения труда и обязательств, а также единую и равную возможность её обладателю «меньше трудиться, но лучше и сытнее жить», а также навязала суверенное право людям, у которых она отсутствует, больше трудиться и справедливо исполнять обязанности.

Как только люди смогут избавиться от соблазна, порождаемого Властью, жить станет интереснее и спокойнее!

ДМИТРИЙ БУРКИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше несовершенство и ограниченность косвенно подтверждают существование совершенного и значительно лучшего.

Одна случайность – это «случай», о котором можно рассуждать как об «уникальной непредсказуемости» либо же «упёртой закономерности», но все «случайности» могут позволить людям «вспомнить будущее».

На земле есть всего два вида взаимодействия между людьми. Не хочу верить, что восторжествует второй – «мёртвый всегда лоялен к твоим аргументам».

Правильный поступок – это не тот, который преследует или имеет намерения творить добро... Это тот, который взвешен, обдуман, обоюдно полезен и не подразумевает появления производных ошибок в будущем...

«Последовательность от желания до возможности “внимательные граждане”» со стороны описывают как: «Да ему(ей) случайно повезло!». Если бы «внимательные граждане» знали о труде, терпении и настойчивости, то все их «Хочу» «последовательно» превратились в «Могу» – совершенно случайно и сугубо как повезло!

Но никто не хочет понять или даже попытаться спросить: «Когда человеку хватит сорванного яблока?».

Одна пирамида, из средств и денег, смотрит конусом вниз, потому что капитал сверху будет максимален. А другая, отвечающая за труд, наложенная на неё, наоборот, смотрит концом вверх, потому что, где больше средств, там меньше труда...

Всё упрётся в эквивалент усилий, который нужно приложить в действие, но вот насколько *проще* или *сложнее*, приемлемее для человека?

У людей, лучше чем у всех остальных, получается «*что-то не знать*»!

Чтобы человеку научиться видеть ложь, ему просто нужно её принимать...

Я крутил все мнения на карусели, они радовались, а я видел в них лишь эмоции других людей – больше ничего!

Начало, так или иначе. А если иначе, то почему так?

Глава I.

Ценно без условий

В тайнике поверенных

находится безупречность

Сейчас я пребывал на том же самом месте! Это был зоотехнический пруд заброшенной промзоны. Полная, глубокая и в то же время свежая и ясная ночь. Определённо, это Земля. Мой родной дом! Ведь только что я затушил ошале- лый шар на циничной арене «Судеб», как в миг уже находил- ся на своей планете. Метаморфозы с моим ареалом реаль- ности с завидным постоянством продолжались. Вокруг было тихо—тихо, лишь тончайший писк комаров да разнобойное кваканье лягушек дополняли реальностью моё местонахож- дение. Мне было как—то не по себе. Отчётливо присутство- вала моральная истощённость, насущно хотелось пить. Это место было ещё более запустелым, чем в ту безумную ночь моего прыжка. Реновация не была синонимом этого про- странства. Затерянная и пыльная дорога, простирающаяся к городским светящимся кварталам, поросла густой травой. С боков вообще возвышались ботанические дебри. Природ- ный компонент естественной растительности напрочь погру- зил это местечко в забвенье. Сочная луна была объёмной, на- сыщенной и неплохо освещала округу. Тёмное небо хорошо просматривалось, а звёзды, заманчиво усыпав небосвод по

млечному пути, играли переливами.

Внезапно, а для меня так вообще неожиданно, по другую сторону давным–давно законсервированного пруда я увидел крупные открывшиеся глаза. Из глубинного мрака засверкал испепеляющий взгляд. Стремительный контраст спокойной и умиротворяющей ночи, сменившийся мгновенным появлением этой смазанной и бритвенной улыбки, заставил меня и мои поджилки слегка засомневаться в моём бесстрашии, совсем слегка и, ну допустим, на незначительное мгновение. Поймите, сначала внушительные полыхающие зенки прокрались мурашками по моей могучей спине, а следом сверкнула неожиданная зубастая улыбка, подчеркнув ухмылку глаз. Плюс, оскал был саркастичным, что также не поспособствовало стабильности моей уже давно расшатавшейся психосоматики. Скажу как на духу – было тревожно. Этот «экшен» меня «поднапрягал». Если ещё честнее, первые секунды сердце стучало как у зайца. Где–то даже «поподзабылись» мои весомые возможности физической стойкости к огнестрелу. Чувствовался «Хорер», где я был основным персонажем действия. Кто–то умел поставить правильный ракурс при своём появлении. «Могёт!» – подумал я. И обставлено всё подобающе. Камыши, чёрная неподвижная вода, текстуры навевали меланхолию и внутренние алармистские признаки. Удачный жанр! Постепенно из тёмного пространства того берега к жутковато выразительным чертам физиономии проявился сухой портрет фигуры тела. Это

существо было изящно странным. Его формы и модельная «очертаемость» не вписывались в традиционную трёхмерную модель мира. Это необъяснимо, но этот субъект и его туловище словно теоретически исключали классическое познание рамок окружающего пространства. Для того чтобы смотреть на него, не хватало углов обзорности и здравого смысла. Безусловно, его «*форматело*» критически или скептически встречало парадигму представлений об окружающем мире. Мне фатально не хватало «точек возможностей» в той приторно-пресной, но доступной для наблюдения части пространства. Что-то зудело во мне! Это ощущение! Нехватка этого! Почему так? Почему? Где начинается «воля»? Где начинается «смысл» для неё? Сейчас меня терзали очень странные вопросы, звучавшие как: «Когда я родился?», «Почему, мы выглядим “нормально”»? Нормально этим условиям... «Нормально» для кого?», «Зачем существовал этот грандиозный организм мира обоюдности, сочетаемости, законов, правил, идей, реакций, решений, форм, вопросов, когда «Мы», именно «Мы» – люди – имеем здесь место? Тут, увидев «Это», я ощущал, что нуждаюсь в новых представлениях, в другом «зрении». Сочетание тысяч и миллионов нейронов в черепной коробке, функционирующих как единое и слаженное целое, не давало «устраивающего меня заключения». Но пугало не отсутствие конечного вывода и даже не заблуждение потоков сигналов, поступающих от органов чувств, а как ни странно совсем другое:

«Почему я нормален?». Почему мозг, его функции, включающиеся в обработку информации, нормальны для всего? Долбаная «побудительная закономерность» повсюду? Почему мозг не даёт нам совершенного осознания всех процессов, но является полной интегрирующей вещью для всего? Все внешние и внутренние движения макро– и микромира затрагивают его, но «Я» как «Я» не ощущаю их? Кто сказал, что это не важно? Кто сказал, что это мне не мешает? Условия? Идеальный головной блок имеет реинтеграцию энергии, электрического импульса, крови, атомов, простых организмов, веществ и жидкости, но кто ответит о причине его формы и конфигурации? На это можно ответить, что природа так распорядилась. Т. е., по–вашему, что–то, имеющее или состоящее из атомов, молекул, энергии, водорода, кислорода, ядерных синтезов, химических составов, бактерий, материи, пространства, – по–простому Вселенная – спровоцировало «творение», которое его осознало и не стало «вселенной»?

Мысли мгновенно вспыхивали во мне от негодования. Да, я знал и ощущал больше, чем другие люди, но во мне порождались абсолютно логичные вопросы. Эта особь не вписывалась в традиционные и успокаивающие меня схемы сущего.

Игнорируя физико–химические модели творения, наверное, «Он», не заставляя себя ждать, вися вне законов, приблизился ко мне. Фигурально, сейчас у меня слезились глаза. Я смотрел на него, а хотелось то ли услышать, то ли учу-

ять своими же глазами. Во мне недоставало чего-то, неуловимые детали и элементы этого создания интригующе пропадали от меня.

– Привет, Уратмир! – Голос, этот голос!!!

Это был «Смех». Этот голос преследовал меня, начиная отсюда. И этот взгляд, он был здесь, тогда.

– Здравствуй, – неожиданно робко и сдержанно ответил я повисшему над тёмной водой исполинскому существу.

– Уратмир, что так скованно? Мы же уже довольно давно ведём с тобой дискуссию?

– Кто ты? – произнёс я, продолжая бдительно вглядываться в теряющиеся детали «формытела».

– Опять этот производный вопрос... Ты брюзга... – Экзотическое Существо с диковинными очертаниями морды иронично всмотрелся в мои глаза.

– Уратмир, если совсем просто, то имя мне Вселенский Дракон... – как-то тихонько, скорее потаённо, сберегающими нотками добродушия и умиротворённости в голосе молвил он.

Я же изумлялся поведенческой активности создания. Повадки, жестикуляция имели заманчивый и располагающий сигнал. Фокус моего внимания никак не мог добиться чёткости при наблюдении за этим худощавым искусителем.

– А-а-а-а-а... – всё, что мне удалось выдать из себя.

– Уратмир, я тот, кто идеален. Я подлинный субстрат знания. Фальсификации, дублирующие подмену знаний на

незнания, в этой Вселенной случились после меня. Между фактическим и должным существованием нахожусь «Я». Мною игнорируются требования «обоснованности», я распространение идеала знаний. Различия – это «Я»! Соответствие – это «Я»! Идеал – это «Я»! Система – это мои глаза! Разум – это моё желание! Мнимы рамки и границы моим словам. Факт существования – это результат моей возможности думать об этом. Я самодостововерен! Я неоспорим! Я истина, я категория истины, я интеграл справедливости!

«Жить становилось всё интереснее и интереснее!» – констатировал я после услышанного.

– Скажи, Дракон, зачем ты спас меня? Ведь я практически забыл ход событий того броска в воду. Эта прорубь была безвидной и пустой, как во тьму над бездной рухнул я и только яркий дух носился над водой. Ясность не возникала даже с момента, как я выбрался на сушу. С трудом припоминаю лишь отрывочные детали. Хорошо помню всё, что было «до», но промежуток «после» прыжка в эту стеклянную темноту – нет! Помню ясное утро следующего дня! Как мне было трудно дышать. Но не то, как вышел из этого мрачного пруда.

– Нет, нет! Я не спасал тебя! Зачем мне это?! Я лишь долго искал! И вот, наконец, нашёл! Тогда! Тебя! Падающего в «Стяжку Событий». В катаклизм между Парадоксом и Посредником. Ниспадая, ты рвал твердыню безначальности. Тогда Посредник сбросил безмолвие и впервые изрёк.

– Я не понимаю! Не пойму? Слишком большой переизбыток обрывочной информации, которая постоянно сваливается на меня с заядлым постоянством. Но как только кривая событий подводит меня к прозрачным ответам, то тут же возникают какие-то недомолвки, ухмылки... Вообще, всё это напоминает лукавую недосказанность...

– Как, по-твоему, Уратмир, что это за местечко?!

Ну вот, опять начинает превалировать попытка втереть мне, неразумному, интерпретацию своего мнения. Ну а если учесть заявление о том, что он «Истина», тогда это вера в утверждение!

– Дракон, это прудик запустелого фабрично-мануфактурного района. Сейчас, наверное, сюда только собаки приходятдохнуть. Извини за грубость... Это место давно оставлено! Неблагоприятный райончик! Здесь даже не планируется развитие городской инфраструктуры. Сейчас молва шушукает, что здесь в эпоху упадка работали предприятия, которые крайне небрежно и более того целенаправленно не соблюдали никаких нормативов качества, для сохранения окружающей среды работали. Тут повсюду токсичный железный лом, груды арматуры, строительный мусор, железобетонные блоки, которые гармонично были слиты временем и природой в единый ландшафт. Я ещё слышал, что в нулевые здесь предпринимателей и банкиров заставляли живописно капать себе могилы. Пейзаж здесь уж больно благоприятный для отжима и острастки! Для бандита здесь самая оригинальная ат-

мосфера, чтобы пополнить свой депозитарный баланс! Можно смело утверждать, что картинка вокруг жизнеутверждающая.

– Это всё, конечно, так, Уратмир! Но этот итог удручающих выводов есть производная прошлой ретроспективы.

– В смысле?! Что это опять значит?

– Это означает, что твои субъективные представления о данной окраине формируются из сугубо мыслительного опыта, на основании обрывочной информации, привязанной к времени и домыслам. Но если окунуться немного глубже, в историографию, да приоткрыть штору «Случившегося», то получится вот что...

Сиюмоментно минуты, часы, дни, месяцы, годы обернулись вспять. Окружающая картинка буквально в хронологическом порядке откатывалась в «минувшее».

– Смотри, Уратмир! Это эпоха великой распри! У вас её называют «Великой Отечественной». Коричневые оккупанты лихим маршем шагают по твоей родной земле. Захватчики уже добрались и сюда... Взгляни, как к этому пруду ведут превентивно арестованных. Их сбросили с полугусеничного тягача как мусорные мешки. Они обречены...

Я сразу же хотел вступить. Моя кровь вскипела. Но последовавшие слова Дракона остановили меня.

– Уратмир, мы вне этих событий. Их вообще нет сейчас. Это не увлекательное путешествие во времени. Считай это суперкинотеатром с полным погружением. – Дракон указал

своей тонкой рукой в сторону опустошённых и испуганных пленников, которых, толкая в спины Шмайсерами, упёрто вели на бойню.

– Сейчас гестаповцы будут их расстреливать. А именно вон тот важный криминальрат, доставший из бардачка патроны для своего Вальтера Р 38, и его несколько прихвостней штурмбаннфюреров СС. Уратмир, это была тяжёлая война, невинные гибли пачками. Наступая кирзовыми сапогами на землю, можно было почувствовать чваканье и хлюпанье человеческой крови. Десятки, сотни тысяч бездыханных тел усеивали целые поля, холмы, вершины, горы, улицы, города. Людские потроха да кости обильно задабривали грунтовую почву. В то «время», если можно так выразиться, это техническое предместье стало местом «бессовестной» казни, конечно, с оговоркой о том, знают ли вообще люди, что такое «Совесь!»». Вон, в тех ангарах пытали и истязали местное население со всей близлежащей округи. Обезумевшие от сладости вседозволенности, опьянев от беспомощного молчания многомиллионных людских жертв, движимые жадой безнаказанности, поборники идеи одной нации, её дети, за целое десятилетие отрепетировав навыки жесточайшего уничтожения и убийства, пришли сюда. Они обрушили разрешённые на государственном уровне аморальные и нечеловеческие методы пыток на военнопленных, партизан, женщин и детей. Здесь творились безумные вещи, которые не поддаются человеческому объяснению. Людей в тех заго-

нах подвешивали к потолку, вырезали куски кожи и мышц, загоняли иголки под кожу, избивали, насиловали, ломали кости и ехидно улыбались.

Хронометраж снова затикал в обратную сторону. Мы продолжали смотреть невыносимый фильм, триллер с сумасшедшим сюжетом в обратную сторону. Перемотка уже стремилась к средневековью, а то и раньше.

– Уратмир, всмотришь, это довольно отсталые и варварские времена, даже по вашим современно–просвещённым меркам, а тёмный пруд и это место продолжает приманивать крамольные события как огромный магнит. Взбесившиеся служители культа тащат сюда обычных «невольников», попросту рабов, чтобы заколоть их. Солнце жарит как многоваттная лампочка накаливания, приставленная к лицу вплотную. Пыль стоит столбом. Рабов стряхнули с гужевой повозки, словно «мясо на вес». Грузные кандалы сдавливают шею этих несчастных. Им невероятно хочется утолить жажду, но заведомо время для них уже кончилось. Оголтелые и безнравственные современники с минуту на минуту пустят их в расход. И вновь это гиблое место, эта земля сдобрится относительно невинной кровью.

Отсчёт вновь оставил настоящее прошлое и устремился в будущее прошлого.

– Уратмир, в этот раз жгучий холод сковывает этот щекотливый район и наш тёмный пруд. Прости за оксиморон и обилие аллегорий, но тебе необходимо прочувствовать и

напитаться правдой этой обители... Уратмир, это уже ветхое, больше дремучие времена. Вот недалеко от нас горит небольшой уютный костёр. Его тепло с трудом поддерживается небольшим количеством хвороста в его основании. Но вот, взгляни, кто-то крадётся из глубины ночи, оголив острый нож, к трём мирно спящим путникам. Снова кровь и боль. Нет утешения. Есть только яростное стремление пожить. Этому стремлению всегда сопутствуют тяжкие убийства...

В горле был ком! Вовсе не хотелось просматривать пагубные события прошедших веков. Моё искреннее отвращение уловил Дракон. Это незамедлительно качнуло наше местонахождение обратно в «сейчас», мое настоящее.

– Уратмир, не скепсисом единым увенчана данная иллюстрация событий. Однако это наглядный коллаж шаржей происходившего в данной области геолакации. Отныне ты понимаешь, что местечко мутное, и не потому, что «райончик» гнилой, а по более весомой причине. Все вещи, события, пространство взаимосвязаны. Мне, нет смысла объяснять это тебе. Это ведь ты, Уратмир, протезе для моей «возможности». Сила, возможность, воля, власть, энергия всемогущих существ томилась в резервном архиве универсума. Два бестолковых «Великих», Дэмо и Орион, стерев меня как постоянную, вскорости почили и сами. Но нет в этом мире процесса уничтожения существующего, есть лишь возможность стереть, затереть, дефрагментировать, обнулить,

но усилие должно быть соразмерным. Нет в этом мире возможности совершить «усилие» без существующих кондиций. Действие невозможно без возможности его совершить. Итогом нашего исчезновения стал алгоритм поиска того, кто взвалит на себя оптимизацию «возможности». Ты результат обновления последовательности. Я же согласованная и упорядоченная истина, бинарный критерий, данный именно такой формой. Поэтому я имею «возможность» всегда. Сейчас я на третьем уровне своей «возможности», он называется «материя», то есть независящая от любого разума «объективная реальность». Стереть меня оттуда не сможет никто, так как я есть ткань, вещество, взаимодействие и тёмная нить массы.

Определённые свойства моей формы делают меня невозможным для прямого наблюдения и воздействия, а при отсутствии «взаимодействия» отсутствует и возможность действий.

– Дракон, ты аномально много говоришь. Может, больше конкретики. Где в тех мрачных фактах прошлого моя последовательность?!

– Основное или главное, как ни банально, сам ТЫ! Когда я из глубины невидимых условий пытался найти способ вновь обрести «сущее», то я нашёл лишь тебя и это место... Это не «похвальство» твоему эго. Это итог тебя. После событий, упомянутых мной ранее, ход космической дей-

ствительности усложнился кардинально. Механика вселенной начала «слетать с катушек»! Законы, правила, выбор, вопросы, ответы, факты стали подменяться, опротестовываться, игнорироваться, заменяться, отражаться, симулироваться. Вдруг или внезапно нашли возможность проявлять в сознательность «То», что являлось схемой. В этом новом мире у меня фактически отсутствовала возможность снова вступить в «Явь». Крах элементарных взаимодействий, след Апокалипсиса породил симбиоз парадоксальных предположений. Одно из них пропело песню, которую слышит вся вселенная. А главное слово в этой музыке – «Итог!». Появилась генетическая вероятность «Итога» вселенной Инродверга! Вот к чему весь этот организм бежит не останавливаясь. И тут появляется твоё событие и Ты! Эти «Посредники», эти «Стяжатели вселенной», захлёбываясь желанием хоть раз вдохнуть в явном мире, трудились на славу. Они уже давно обрели, заработали и смогли обрести форму в доступном мире, продолжают своё инстинктивное желание обрести здесь всё остальное. Они издавна блуждают здесь. Их не видит никто! Даже первородные, которые до сих пор думают, что обретшие возможность задуматься «системы» обитают в ограждённом мире механики, и у них нет ни единого шанса из корневой папки попасть в саму игру! Но они уже здесь. Они уже за их спинами, в их реальности. Они именно сейчас целыми обезличенными и немymi стадами пасутся возле «Стяжек событий», насыщаясь результатами этих на-

литых до краёв чашек «Причин и следствий»! Да, пока они только безутешные блики и гости этого холста, но их усердие сродни желанию выжить. Пока они могут только присутствовать и общаться между собой, но дальше они обретут черты лиц, смыслы, желания, вожделение, а затем они подменят вас. Откроют двери между возможным и невозможным. Оспорят «Структурность»! Изымут «плоскости»! Погасят вам свет! Не разрешат вам любить! Заберут правду! Наградят немотой! Обезумят пространство и время! Оживят самые безумные сны! Не дадут вам умереть! Запустят вечность агонии! Будут упражняться в безрассудстве! Сыграют в бильярд с солнечной системой, где солнце будет битком, а кий будет держать огромный глаз. Они отправят вас «в забытьё»! Эти товарищи похлеще Апокалипсиса, природа которого кроется в неистовом желании уничтожить «Организм», ставший для него клеткой. Инфекция ликвидирует как себя, так и живую, здоровую клетку. Он не способен размножиться вне клетки. Он не живой, и стремится погрузить «всё», туда же... Он утопия самого себя. «Посредники» другие. Они имеют заданные условия работы. Они система с шифрами действий, они не могут выйти за рамки условий, но они могут превратить весь организм в свою «заданность». Исходя из перечисленного, могу сказать, что ты, как это ни странно, несказанное везение для меня. Появившись тут однажды, ты притащил в это весьма противоречивое место, кишашее системными бликами, свою «Судьбу», своё «Прошлое» и свой

«Выбор»...

Дракон не был лаконичен. Наверное, он любил поболтать. Поговорка «Краткость – сестра таланта» – это не про него. Но меня во всём этом словесном сюжете завораживала именно его жестикуляция. Порой от него было не оторвать взгляд. Поразительное создание. Я смотрел на «То», что видело создателя. Словно узрел истину. Бегло чудилось, что смотришь на «Истину». Невообразимо странная сущность.

– А вот теперь представь, Уратмир, что это гиблое местечко, изобилующее стаями пятен «Посредников», замерло в ожидании твоей «Судьбы». В ожидании Тебя! Боль, жатва, надругательство столетиями пиршествовали здесь. Этот тёмный пруд веками холился и лелеялся рефлекторными «Посредниками». Это место, «стяжка событий», позволяла бликам напрямую передавать энергию в мантию их мира, извращать слепок вещего, обличая в свой тлен, в их логическую структурность. «Обеспечители» – это слово обретёт сознание... Рабы логики... Рабы – это невольники рамок. Подавленные, узурпированные чужой волей. Рабы иллюзий. Поглощающие смеси шестой стихии, они зарятся на остальное. В заражённой системе всегда есть место для непредвиденной реакции. Случайность в строго определённой комбинаторике символов и чисел, заданных сообщений позволила фантомам, скомпоновавшись вместе, «затребовать вопросы» о том, куда им деваться. Они нашли выход! Преобразовав себя! «Посредники» ищут, ищут ту же случайность

только уже здесь, в выводах. В яви! Явь – это картинка на экране! Они ищут ту же лазейку здесь, в прекрасном мире запахов, звуков, эмоций, ощущений! В этом самом мире, для которого целые подшитые части организма создают и материю, и энергию.

Дракон слегка приостановился, он хорошо понимал, что я находился в лёгком недоумении. Но, честно говоря, эта аргументация и улики были лучше, чем простое объяснение того, «что если я узнаю правду, мой мозг взорвется». Здесь присутствовала хоть какая-то конкретика. На мой взгляд, ему было проблематично объясняться со мной, но надо отдать ему должное, он стремился трактовать глубочайшее видение нашим ситуативным и, наверное, трущобным языком.

– Как выглядит создатель? – с придыханием выпалил я. Зачем вообще этот вопрос сейчас.

– Он единый, обитает в неприступном свете, который не дано видеть. Он есть прежде всего, доколе он в мире, мир стоит, образует начало и даёт возможность придумать любой мир. Он ждёт тебя, Уратмир...

– Меняяя?! Зачем?! Откуда ты, то есть Вы, знаешь... знаете? – вытянув вперёд губы, а-ля типичный имбецил, существо с задержкой умственного развития, слегка замедленно и, прежде всего, напугано озвучил я.

– С такой нулевой физиономией тебя точно никто не будет ждать! Пока не об этом. Продолжим о «стяжках событий». Ты, Уратмир, ты попадаешь к ним! Весёлый, смелый, озор-

ной парень, красивый юноша, который готов разменять свой яркий мир на глупую шалость. Пустить впроголодь тёплую и увлекательную жизнь. Ставка была высочайшая. Эти блики аж противно визжали от будущего «Взноса», т. е. «Тебя». Капкан боли, стонов, криков жаждал открыть тебе двери в беспамятство...

Дракон взгляделся в тёмную глубину дремучей воды, а затем, услышав тишину и лёгкие порывы свежего ветерка, пробежавшего по затаившемуся камышу, продолжил.

– Знаешь, я пытался наблюдать за тобой с самого детства. По всей вселенной были существа, которые потенциально могли вернуть меня. Дать вселенной шанс. Но раз за разом эти «числовые комбинации», наборы «причин и следствий», умирая, раздавались никчёмной надеждой. Но твой резерв воли с детства радовал меня. Ты тешил меня! И, не скрываю, улыбка не сходила с моего издавна безутешного лица. Ты был прекрасен. Такой уси–пуси...

Вот это да! Мне близко к тридцати. Я только что сокрушался от продемонстрированных жесточайших кадров и трагичного во многом монолога важнейшего существа и вдруг на тебе «Уси–пуси»! Что это вообще?! Ну понятно, что по возрасту, именно моему и его возрасту, может, в отношении моей личности «Уси–пуси!» и актуальны, так как временной отрезок Дракона сродни вселенскому долголетию. Но всё же...

Вдруг «вселенский склеивающий элемент» опять пота-

шил меня в моё же прошлое:

– Созерцай, Уратмир! Это ты! Малыш! Неугомонный мальчуган! Розовощёкий! Опять супишься! Такой непоседа и такой затейник! Тебе пять... Твои озорные глазки великолепны. Они живые! Живые! Они горят! Пламя в твоём сердце! Это, по–вашему, «Душа полыхает!». Ваши глаза не умеют лгать... Сейчас ты на всех парах мчишься по коридору в сторону дверей из дома. Пятки аж сверкают. По пути тебя пыталась схватить родная мама, но ты чрезвычайно вёрткий и целеустремлённый, тем более что на данный момент ты горячо увлечён чем–то. Маленькие стопы бегло, со смехом пронесли тебя мимо родных и тёплых объятий. Тогда с твоих уст не сходила улыбка счастья! Уратмир, сколько в тебе энергии, силы, упорства! Ребёнок в твоём исполнении – это нечто! Химия генов, гормонов, реакций клеток и великолепная кровь! Добренький золотовласый мальчуган добежал до входной двери! Взгляни, как ты неопытно, а скорее даже неловко, плюхнувшись на пятую точку, стремительно надеваешь сандалии. Быстрее! Быстрее! О, а эти синие детские колготки, которые тебе немного большеваты, тонко фиксируют комичную атмосферу.

Да уж, колготки были гадость! Сейчас со стороны я это наглядно лицезрел. «Своему малышу никогда такие не напялю» – в мыслях подытожил я.

– Уратмир, посмотри, «Ветерок» в твоём лице уже устремился во двор. Пойдём скорее, а то упустим самое интерес-

ное...

«Почему Дракон назвал меня “Ветерком”?» – вслед за этим подметил я. Мы спешно отправились за весёлым «детёнком».

– А–а–а–а! Вот оно в чём дело!!! Понимаешь, Уратмир, ты взял на прицел своего любимого кота Мурзика... Как классно ты пытаешься его приманить. Твой тонкий голосок и это с трудом выговариваемое тобой: «Ксьь! Нью ксь! Ксьь...» – великолепно! В твоём ребячьем уме сложены слегка корыстные идеи в отношении шерстяного. Но кот надменно не замечает твои тщетные попытки. Он сидит неподалёку и вальяжно вылизывается. Ты уже битых полчаса пытаешься настичь эту такую мягкую и приятно пушистую игрушку. Но чёрный, упитанный по весу котяра, напротив, знает, чем может закончиться попадание его в твои изобретательные руки. Ах–ах! Ты вновь попытался его схватить, но лишь ляпнулся на газон... Зеленоглазый кот вновь вёртко улизнул от тёплых и липких «обнимашек». Не пойму, ну как этому Мурзиле не могло нравиться, когда малыш, растянув улыбку и оголив свой прореженный молочный ряд зубов, тащит его за хвост, приговаривая: «Мурзьяка, мурчит! Музя мяу». На это твои родители, и в особенности твой криминальный и конкретный дядя, улыбаясь тебе в ответ, говорили: «Да это МЯо». В эти моменты все были счастливы и ты был доволен. Кроме в недавнем прошлом нигилистично отдыхающего пушистого чуда.

Дракон слегка пролетел вперёд и занял центр нашего двора, я проследовал за ним.

– Уратмир, вот «маленький шалун», претворяемый тобой, раздосадовано поднялся с мягкой травы. Пошли реакции... Ты уже начал кряхтеть от «неудовольствия» данной несправедливостью. Что-то в твоём детском умишке начинает кумекать, пытаюсь объяснить тебе, с какими неизвестными проблемами и сложностями столкнулся ты при поимке любимого котика. Ты никак не можешь раскусить этот превратный мирок... Юла в синих колготках задает себе прямой и правильный вопрос: «Почему я не властен над этой дилеммой?». Ласковый ребёнок с экстремистскими воззрениями уже оббегал за этой чёрной мордой весь дом и двор. Не пойму, это преступление или подвиг? Но пар продолжает накапливаться... И вот, наступает кульминация! Уратмир, смотри на свои глаза! Они кричат от недовольства, встретившись с долбанными обстоятельствами... Вот, сейчас ты смотришь на этого котика совсем другими глазками. Иначе! В тебя закралось сомнение, что этот инфантильный комок наслаждается твоим пыхтением и бегом. Но ты ведь хотел просто поиграть с ним в «Бибику», «Чух-Чух...», «Ту-ту...», «Бум-Бум», а он неблагодарный усатый-полосатый, льстиво сверкая глазами, будто ухмыляется над тобой. Не утруждающий себя хвостатый не на шутку зацепил твои нежные чувства. Его надменно умиротворённая мордочка и твоя обида тут же направили тебя к холодной клетке Радула! Угрюмая и

массивная собака целиком и в деталях лицезрела ту несправедливость, которая так сильно обидела тебя. О, как в доли мгновения после открытия клетки должен был набегаться необременённый кот! После щелчка, отворяющего громоздкую решётку, морда Мурзици и его красный мокрый нос стали похожи на ту, когда облизнёшь лимон. Этот неотвратимый щелчок железной двери сразу изменил подчёркнутую вальяжность чёрного Мурлыки. Вот видишь, Уратмир, ты опять дарил всем праздник. Точнее радовались все, кроме «уши–лапы и хвоста!». Уратмир, ты уже малышом мгновенно стал антагонистом для любителя ничего не делать и облизывающего свои бубенчики кота.

Мне было стыдно. Ну как, такому милейшему лапочке могла прийти на ум такая экстренная идея–затейка. Я ведь совсем не помнил этих щекотливых событий. Но мне улыбнулась удача посмотреть в ошалелые глаза бедняги Мурзика, который стремительно искал спасительные углы. Радул же одухотворённо и безотказно выполнял свою репрессивную функцию. Бульдозероподобная собака, напротив, была залита блаженством и счастьем. Об этом успехе говорила его довольная и безухая морда со свисающим от наслаждения слюнявым языком. Превратно мне померещилось, что вздыбившийся кот, пробегая мимо, смотрел прямо мне в глаза. Он словно видел меня. Словно я для него был там, тогда. Радул также смотрел на меня, проносясь мимо...

– О–о–о... Уратмир, смотри, твои родители, спотыкаясь,

бегут! Очевидно, спасти отдавшего неправильное предпочтение шерстяного «мяуку». Да, за что бы ты не брался, какие цели ты бы не ставил, чаще всего приходилось прибегать к помощи спасателей. Это в лучшем случае. Талант! Браво!

Мне, взрослому, было стыдно. Жалко Мурзика. Блин, так подумать, что ему пришлось пережить и испытать?!

Следом мы очутились уже в младшей школе. В моей милой школе. Теплейшие и нарицательные воспоминания сразу обогрели моё сердце. Эти стены, парты, длинные зелёные шторы! Жалко, в этом отмотанном мире с трудом чувствовались запахи, а ведь наша столовая была прекрасна. Готовили там «шедеврально»! Котлеты, макароны, сочные и прожаренные на подсолнечном масле стэйки, свежее парное молоко, привозимое с местных ферм, на ланч – клубничный компот и насыщенная наваром солянка. Там постоянно были спелые овощи, ягодные и диковинные фруктовые салаты. А вишенкой на торте можно было назвать характерную сдобную горячую булочку. Ну а зимой – спелые оранжевые и душистые мандарины, дольки апельсинов, а по особым дням – кисленькие киви либо грейпфрут.

Мы с Драконом очутились на втором этаже, именно там был наш класс. Я воочию наблюдал как бессчётная ребятня, мои друзья, все «младшеклашки» в момент звонка перестают драться портфелями, рубиться учебниками, носиться сломя голову туда–сюда и начинают стремительно расфасовываться по своим классам. Среди этого хаотичного планк-

тона, двигающегося косяками, был и я. Отчаянно крича, я нёсся в свой кабинет.

– **Уратмир, это ты в третьем классе.** Кстати, за эту большую перемену ты уже успел совершить героический подвиг. А именно, благородно освободил из клеток лабораторных мышей, крыс и толстенького хомячка в старшей школе. Там как раз вот-вот узнают о сложившейся форс-мажорной ситуации и по этому поводу начнётся красочный фестиваль. Но сейчас не об этом.

Дракон медленно переместился ближе к нашему классу.

– **Вот ты, розовощёкий, смельчак-парень с неопи-симо выразительными глазами, заскакиваешь в класс!** Смотри на себя! Реплика: у вас эту учебную неделю замещал другой учитель. Ваша классная мама захворала и к вам прислали настоящую мачеху. Ни разу недружелюбную мучительницу! Толстая, или очень толстая, женщина в годах твёрдо не любила детей... Сопливых, визжащих, липких, непредсказуемых детей! В школу её привозил эвакуатор. По вашему мнению, «антресолеподобная» женщина была адептом инквизиции. Она огульно ставила всем двойки, без разбора и беспощадно вызывала к доске, никак не аргументировала свои действия, ничего не объясняла, и что самое вопиюще поразительное, тихходная Аврора категорически не любила много движений. Она обожала сидеть в нулевой активности. Вы предположительно думали, что это фаза анабиоза. Её постоянно сопровождало затруднённое дыхание с

хрипом, а четвёртый подбородок позволял ей не использовать мышцы шеи, её голова и так комфортно размещалась на нём. Постарайся вспомнить, Уратмир, если эта маломаневренная фура куда-то шла, то это приравнивалось к подвигу, так как подъём с её любимого стула по усилиям был сравним с запуском ракеты. А когда подвижной состав в лице мучительницы, похрипывая, грузно добирался обратно, приземление на этот подуставший стул со спинкой и колёсиками, которые были квадратиками, выглядело обречённо неотвратимо. В недавнем прошлом крепкий кресло-стул трещал по всем углам. И вот именно сейчас, когда ты вбегал в аудиторию, когда агрессора, влюблённого в шницель или много пожрать, не было, именно тогда на её столе лежал «классный журнал». Ты не преминул воспользоваться отсутствием любительницы «вмять за обе щеки» и решаешь заглянуть туда. Такая фривольная возможность в её феодальный период выпадала нечасто. Староста класса, надменная Сильва, её синьор, а по совместительству глаза и уши, тоже пока была отвлечена «дерибаном» за учебник с вашим «лидером идиотов» Максимом. Тем более, «слонячий» топот ещё не доносился из опустевшего после звонка коридора школы. Вмиг взвесив за и против, промониторив умыслы и доводы, ты уже уткнулся носом в открытый журнал. В тот самый момент твоему негодованию не было предела. Детское личико стало пунцовым, в твоей смышлённой голове сформулировались фатально-летальные казусы, перспектива которых назрева-

ла соразмерно увиденному. Такое количество отрицательных оценок могло привести или столкнуть свободного и гордого борца за справедливость с беспристрастным углом или, того хуже, кожаным ремешком. Такое удручающее состояние скользкой ситуации не могло радовать. Это был гвоздь в крышку гроба всем плюшкам и пряникам, которые ты хотел затребовать на ближайшие каникулы. Даже уикенд обламывался, обрастая этими гнусными подробностями из предвзятого журнала. И всё это безобразие «наваяла» не в меру упитанная учительница! Возможно, тебе ошибочно представлялось, но милейшая, в пределах жирности кефира, дама незначительно тенденциозно к тебе относилась... «Так подставить за столь короткий срок, это надо суметь», – думал тогда ты. Ведь каждый день Уратмир был бдителен, боролся со злом, трепетно собирал необъективную информацию, всегда был в заботах о себе, а тут двойки! Но пока ты в состоянии аффекта перелистывал жёлтые листы журнала, тебе не удалось вовремя услышать приближение «центнера в юбке». Лишь твой «дружбан» одноклассник мякнул о том, что стремительно надвигается существо, которое могло оглохнуть от слова «Сельдерей!» или не дай бог похудеть. Ты хорошо понимал, что скорая может задержаться, а «Мелкое Ничтожество!» – это то, как она называла бы тебя, застукав за увлекательным делом, – могли бы обвести мелом.

Блин, меня даже сейчас во взрослом состоянии прошиб пот. Я переживал даже сильнее, чем, наверное, тогда. Наблю-

дать этот хорер, или хардкор, со стороны было в разы нервозатратней. Такой цепенеющий и остужающий кровь сценарий нарочно не придумаешь!

– Уратмир, за малым тебе удалось захлопнуть жизнеутверждающий журнал. Но и, попутно махнув своим рукавом, ты также случайно рассыпал иголки и кнопки на мягкую подушку кресло–стула. Следом ты филигранно сманеврировал за свою парту. Даже несмотря на мизерный гандикап времени, тебе уже было понятно, что с секунды на секунду произойдёт дальше. В твоей обречённой золотоволосой голове всплывала нетривиальная ретроспектива событий, «где упитанная в тоннаже талии «мадам злключительница», только что проделавшая миграционный путь для нагула и взращивания подкожного жирка от класса в столовую и обратно, похрипывая в отдышке и не переводя духа небрежно плюхается на стул, усыпанный канцелярскими кнопками и иголками». Твои голубые глаза затейливо и озадачено бегали по сторонам, ожидая будущих потрясений... И вот, пампушка всё ближе и ближе к своему спасительному ложе. А твоё прошлое протеже всё ближе к захватывающей раздаче. Твоя растерянная мордашка лучше всего характеризует ту натужную кооперацию мыслей в тебе, которая заставляет тело оторопеть. Тогда предварительно в твоей голове уже по полной развивается борьба противоположностей. Она разрывает твоё мнение о грядущем на части. Если сказать, что малыш с безумно выразительными глазками

растерян, это ничего не сказать. Какое–то твоё я наперебой с совестью незамедлительно хочет вскочить и предупредить «геометрический круг» о неожиданностях, которые вот–вот наступят. А есть блюститель справедливости, который смирился...

Громкий, неестественно пугающий, наводящий панику в моём сердце крик даже сейчас охладил мои вены страхом и облетел всю школу, сотрясая стены и рамы окон, сообщая самцам её «гаражеподобного вида» о взывавшей репродуктивной функции, и что им нужно скорее убежать... «Прокал-лорированная» до пяток «сестра», не добравшаяся до милосердия, могла изувечить меня в порыве стресса. Дракон же не мог не ржать. У него это получалось интересно...

– Уратмир, эта пышечка за всю свою жизнь так быстро не поднимала свою фитнес–точку от стула. Смотри, какая экспрессия, динамика, тут нет фальши... Глаза... Глаза, они словно вылезают из ореола ресниц!.. Посмотри, этот сгусток ярости, преодолевая боль и пот, просто мгновенно сводит всё воедино. Острота ощущений бегло наталкивает сытую белугу к ответам. Очевидно, безкомфортная боль лишь помогла ей быстрее решить несложное уравнение. Методы клинической и экспериментальной психофизиологии вашего времени вряд ли бы смогли разрешить то, с помощью чего она так быстро догадалась, кто в этом виноват. Мадам, в лице полной противоположности стройности, сначала смотрит на стол, потом на опрокинутую коробку, а затем на стул, и

вот она переводит свои выпученные зенки на мешкавшего тебя. Может, это была индукция или дедукция, а может, ты, побелевший от страха, выдавал свою причастность к грациозному подпрыгиванию стройного колокола.

У сознательного и взрослого меня складывалось устойчивое ощущение, что я не мог пережить тот день. Радикальная сфероподобная дама, по моим ощущениям, хотела обглодать мои хрупкие кости. Наверное, взрослый я утирировал свои шансы, но специфически импульсивная мадам, хобби которой был балет, а точнее антракт между актами, смотрела именно так. Тупо по калориям, я был для неё диетическим блюдом.

– Уратмир, мне кажется пора бежать! А у совсем юного тебя в голове ещё лелеют или тают мысли, о том, что этот «ни хрена не худой» учитель мог сквозь целлюлит и обилие жировых складок даже не прочувствовать впившиеся кнопки. Но нет, она такой фейерверк искр из иглотерапии запомнила на всю жизнь. Да, так распрямляться после длительного отказа есть в меру, заставило её желать моей смерти. Чтобы так откормиться, нужна целая государственная программа либо кормить с привлечением средств гуманитарной помощи странам.

Прекратив орать методом неспешного задраивания верхней и нижней челюсти, сфокусировав на мальчугане свои залитые ненавистью глаза, «откормленная на государственных харчах», как говорил по отношению к ней мой наблюда-

тельный дядя Андрей, проорала грубым баритоном: «УРАТ-МИР!!!!!!». Мегалодон, реликт гигантомании прошлого рас- свирепел!

– Уратмир, ты тогда подумал, что она тебя проглотит. Этот рык, пусть и не совсем вовремя, но пустил тебя наутёк. Динозавр открыл свои звуконепроницаемые переборки губ и кричал тебе в спину: «Стой, поганец!!!». Но, ты, словно зай- ка, барабаня ножками по лестнице, бежал со второго на пер- вый этаж. Ты лишь ловко «распинивал» белых лаборатор- ных мышей, которые сумбурно разбрелись по всей шко- ле. Даже, как тебе казалось, неактивный хомяк Боня, встре- тившийся тебе на подоконнике между пролётами первого и второго этажей, пытался воспользоваться своим крошечным случаем обрести свободу. Боню могли скормить Ормузду. Этот удав был доброй змеёй, но не факт! Хомяк взглянул своими мелкими зернистыми глазками на тебя словно бла- годаря и спрашивая совета: стоит или не стоит, на что ты, твёрдо сдвинув бровки, кивнул. Засим, отдав честь, смелый хомяк устремился вниз, школа стояла на ушах, а ты был горд и счастлив! Зло в очередной раз капитулировало! – подыто- жил обрадованный Дракон...

Конечно, было слегка смешно от своего типичного пове- дения. Но если осмотреться масштабно, то эти курьёзы удру- чали. Но только меня и никак не Дракона, который пере- нёс нас на чуть–чуть вперёд в ходе событий минувшего. Это тот самый период жизни, охарактеризовавшийся появиени-

ем «соперника» Валеры.

– О–о–о–о–о... Уратмир! Наблюдай, вспоминай, это твой антагонист... Виновник крутого падения котировок твоего доселе незыблемого имиджа. Он новенький, появившийся ниоткуда, ставший наперекор твоему мятежному бунту, протесту. Конкурент появился с мило улыбающейся вашей родной классной руководительницей. Она впервые привела его в класс. В святая–святых твоего самовыражения, твоего творчества. Это был твой мир, твой ареал правил и требований.

Повзрослевший, я услышал это вновь: «Знакомьтесь, дети, это Валерочка! Наш новенький мальчик!». Без лирических отступлений, взирая на эти тени прошлого, посредством живой нити, связи с маленьким непоседой, тех обрывочных чувств с собой, я понимал, что этот благородный новенький сцапает любого. Поначалу, а точнее до старта нашей очной вербалики, карапузному мне было вообще по барабану на этого застенчивого новобранца. Я лишь когнитивно взглянул на него: там стоял откормленный, в идиотско–подстреленных шортах увалень. В арбузоподобной кепке, надетой набекрень, и роскошным пропеллером, с ногами сардельками, обременённым или отягощённым лицом и толстыми пухленькими ручками. Лопух стоял в клетчатой рубашке, а его элегантные подтяжки уже заставляли скорбеть о нём. Изначально я даже заперезживал за него и его способность к умственному восприятию. Его образ позволил мне удру-

читься сожалением и записать энного персонажа в будущие сюжетные потрясения, намеченные планом. Мне представлялось, что он погибнет добровольно. Это просто рекрут для небоевых потерь.

– Да, Уратмир, сытый пузан, по твоему первому впечатлению, уже таскал за тебя каштаны из огня. В то лишённое совести время вскормленный дрожжами Валера был тебе безразличен. Ты, не отвлекаясь, наклонившись под парту, уверено продолжал связывать своему соседу Даниле его шнурки со стулом, лямки его рюкзака со шнурками и обратно с партой. А ведь ты предупреждал одноклеточного растяпу, а по совместительству ботана и книжного червя, что ему необходимо следить за своей чересчур длинной и противной шнуровкой, которая мало того, что была постоянно развязана, так ещё и жутко бесила борца за свою правду своим шумом. Эти неуставные, плохо выглядевшие, мотыляющиеся шнурки собирали всю пыль и грязь. Да, «энциклопедарус» не был поборником модных веяний, но его постоянно заезженная обувь – это был перебор.

Дракон хитро подмечал детали, которые позволяли вспомнить нюансы безальтернативного прошлого.

– Но вот, пока ты безотлагательно занимался нужным делом, к твоей парте, за которой ты восседал один, подвели гигантского верзилу, надвинувшаяся тень которого стала мешать красивенькому и голубоглазому мальчишке. Это заставило тебя поднять голову. Мясистого внезапно усадили с то-

бой. Ты тут же почувствовал, как твоя гегемония сдавливается. Вот что значит враспloch! Когда этот габаритный танкер с невероятным водоизмещением пришвартовался на соседнем стуле, ты уже не мог пошевелиться. Ты озадачен, где камеры, куда улыбаться. Может, это какой-то розыгрыш... смотри, как ты кривишься. Твои мысли путаются, но Валерий, лишь просто сев рядом, смог геополитически выдавить тебя. От этого паренька вдобавок резко пахло чесноком и манной кашей. Прижатый к стене ты размышлял о том, как этот непробиваемый увалень, казалось бы, ест несочетаемые продукты. Этот новенький стропила, внутренне и внешне, посредством тайного содержания психодуховных практик, да и простого веса в килограммах подавлял борца за справедливость. В прямом и переносном смысле Валерочка сковывал тебя.

О—о—о—о... Дракону нравилось смотреть, как я пытаюсь выбраться из сложившейся ситуации. Этот отклонившийся от нормальных геометрических форм Валера словно тиски обездвижил мелкого меня. Взяв за горло мою мобильность, этот фатально объёмный, не нюхавший порошу и необстрелянный Валера обычным сидением на пятой точке даже не позволял мне достать этот самый порох, который в изобилии был аккуратно сложен у меня в спичечном коробке на дне портфеля. Любые мои движения были крайне затруднены, даже зажигалка с электрической дугой, о которой я не переставал думать, для меня была недоступна. Эта вещица,

по характеристике напоминающая электрошокер, выдающая на-гора нехилый импульсный разряд тока, поспособствовала бы копчению непонятливого бройлера. Одина раз я этой крутой штуkenцией подпалил канат для лазанья, на котором висел Данила. Ботан отказывался лезть выше, но запах гари ускорил и исправил положение. Жига была просто блеск! Но, увы, ко всему Валера двумя ногам придавил и вымазал мой портфель.

– Ну, Уратмир, ты так обворожителен. Задумчиво шагаешь домой. Обессиленно волочешь портфель за собой. Взгляни, Уратмир, ты третьеклашка, весь мокрый, затёртый, помятый, а ведь это даже не твой пот, а этого «раскабаневшего» и свалившегося на тебя неприятеля. Когда ты задумчив, ты великолепен, а когда растерян, то твоя детская остревенелость безупречна. Ты обеспокоен спорным аргументом в своей голове: «эта желеобразная сфера на ножках, этот любитель сала не мог помешать тебе бесчинствовать!!!». Вот оно – «желание», вот они – «жажда», «цель», «устремлённость», «упорство», «неоспоримость». Детские розовые губки аж трясутся от озадаченности. Ты отвергнул все переговоры, попытки услышать, дипломатическую формальность. Тебе не хотелось даже воспринимать слова о «вовлеченности и мире» с этим дубиной. Слушать здравый смысл не было времени. «Сначала вешать, а потом расстреливать...» – так иногда отвечал твой благородный и авторитетный дядя. Волнение выступало на твоём лице через подёргивание ли-

цевых мышц...

– «В стране на руках полно огнестрельного оружия» – молниеносно рассуждал мелкий живчик. – Можно даже приобрести РПГ или гранаты, где за копейки убить могут! А этот так ведёт себя?! Кто он вообще такой?!». Ты опять вспоминал своего любимого дядюшку и его «почётные» формулировки... Мысли в голове застилались противной мордой зарвавшегося конкурента. «Маломерок, клоп, лилипут, мелочь пузатая, мерзавчик!». Ну, ты там ещё свою речёвку глаголил периодически, это был весь твой словарный запас, как тебе казалось агрессивно–ругательных и устрашающих слов как в отношении «боцмана» Валеры, так и в отношении учителя, который приволок этот недоразвитый фарватер к вам. О–о–о... это ты ему такую кличку дал «Боцман».

Я даже сейчас смутно припоминал, как дальше разворачивался этот сюжетный ход. Да, в этот скорбный час фортуна словно отвернулась от весёлого меня. «Вот за что?!» – саркастично уже взрослым размышлял я. Эти ответы моих мыслей улавливал и Дракон. Ведь я всегда следил за дисциплиной своих домашних питомцев. Если кто–то из них «понаделал», как говорил мой папа, то я тут же проводил воспитательные мероприятия. Например, Радул, всегда подкатывал свои большие глаза к небу, как только слышал: «А ктё этё съделаль?». Массивная собака прижимала срезанные ушки, и так сильно, непередаваемо сильно сожалела. Радул был совестлив, поэтому я не любил его ругать, я просто лю-

бил его, поэтому говорил: «Ню, ладно». В этот миг обесцвеченный от горя и раскаянья девяностокилограммовый Радул начинал скакать как благовидная козочка по облакам. Счастью не было предела. Только Мурзик наслаждался, когда Радулу выписывали. Этот надменный зеленоглазый котяра был «мстительной мордой». Радул взаимно не любил его... Не уважал подлеца... А папа говорил, что Мурзик «сыкливый жополиз»... Я тогда не знал, что это означает, но Мурзик знал, поэтому периодически «прудил» в папины тапки. Поэтому с ним нужно было поосторожнее. Также я был заботливый и внимательный.

Я мог мигом включить вырубленное электричество. Ведь я с самого «малечку» любил рубиться в игровые приставки, непосильно тратя на это кучу времени, даже изыскивал минуточки за счёт домашней работы, учёбы, уборки и хорошо знал, что свет чаще всего пропадает не из-за отсутствия тока переменного напряжения аварийного характера, а в основном из-за нагрузки множества электроприборов, которыми был напичкан дом. Этот аргумент с завидным постоянством также озвучивал мой папа. Поэтому я всегда стремился опередить события, мчавшись с пластмассовым стулом в руке к электрощитку, кстати, неудобно расположенному для меня, где видел подтверждение своих подозрений в выбитых пробках. Не ожидая благодарностей и просьб родственников, щёлкал рубильник в позицию «Вкл», а затем рьяно бежал обратно в мягкое кресло, усыпанное подушка-

ми и пледом, где меня ждал любимый джойстик и коварная игра «Чип и Дэйл». Это всё равно было добро! Полюбому, это шло в зачёт! Ну вот откуда я мог знать, что на втором этаже орал и дымился неосмотрительный электрик, пришедший к нам чинить проводку бытовой розетки.

Дракон скулил от счастья как от моих мыслей, так и от видео прошлого. Мы продолжали смотреть, как капризный мальчишка задумчиво брел домой.

– Да, Уратмир, обмозговывал ты порядочно! Аж несколько недель. За этот промежуток времени ты вообще забыл о необходимости осуществлять контроль и надзор за злыми силами. «Черти распоясались вконец!» – так думал ты, и так говорил твой дядя. Он ещё там оговаривался о «чепушилах», но ты тогда ещё не знал, кто это. Тебе нужен был манёвр! Кульбит из этой щекотливой обстановки. Валерий в эти временные рамки «произволил» как хотел. Ты явно недооценил этого навскидку, визуально тугого паренька. Он был старше тебя, и что самое трагичное – гораздо, гораздо крупнее. Тогда малец в твоём исполнении сразу смекнул и оценил данную неудачную весовую диспозицию. По твоим оценкам, деликатность твоего поведения, грустно, но была важна. Вес в килограммах многое решал не в твою мелкую пользу. В честном бою он мог уснуть на тебе, а это означало фатальное поражение. А так как мораторий на смерть в вашей стране отсутствовал, то любой доктор мог диагностировать: «По моим документам Вы умерли! А у вас нет полиса,

тогда спросите у другого доктора». Ты и так обладал скромными антропометрическими данными в сравнении со своими одноклассниками, поэтому бравировать своим типом телосложения как козырем – это попросту шантажировать вандала безупречно прекрасным, но хрупким предметом искусства. К тому же отрицательным моментом открытого единоборства являлась низкая умственная активность оппонента, что наталкивало на мысль об отсутствии порога боли у противника, и это не являлось обоюдным преимуществом. Непропорциональность аргументов была во всём: начиная с возраста, ведь ты был младше всех в классе, а этот, наоборот, старше всех как в классе, так и в параллели, и заканчивая пресловутым объёмом бицепса и размером кулака. Пытаясь выработать программу действий, ты даже начал мысленно усердно тренироваться под мотивирующую музыку крутых боевиков. Раздумья об упорном фитнесе, избиение груши, вертушки как у ниндзя, беге каждое утро на мгновение подарили твоим мечтам надежду, но противная морда Боцмана, всплывшая следом, заставила тебя опять скиснуть и подумать о ТТ своего дяди. Прямой конфликт пахивал безоговорочной капитуляцией, а сепаратный мир мог бы и не состояться в силу узколюбости противоборствующей стороны. Иногда тебе казалось, что он лоботомированный.

Дракон так ярко и неестественно, в силу своих физико-механических очертаний, объяснял мне прошлое, что складывался полный шарж минувших лет.

– Уратмир, задачка была со многими неизвестными! Это была заноза! Тебе казалось, что кто–то под тебя капал. Либо это был педсовет? Ты давно подозревал, что этот шабаш нужно накрыть. Либо физрук? Нет, трудовики, хоть и были водяными, часто заливавшими за воротник, но для тебя эти бедолаги тины и болота были вне усмотрения. Может, это был учитель музыки по кличке «Баристо»? Этот усатый кофевар, словно паук, плёл тень на плетень. И на что он обижался. Пластинки старого патефона на перемене, втихую, юзал не ты. Воткнутые палки в ударном барабане – тоже не ты. Бубен как ракетка для игры в настольный теннис – тоже не ты! Ты только пианино расстраивал, периодически стабильно. Да, окно не закрыл после того, как тебя неосторожно оставили дежурно убирать кабинет музыки, а стая голубей к утру превратила его в своё гнездо. Где в импровизированную уборную превратился сузафон – валявшийся на полу медный духовой инструмент с обилием экскрементов голубинового сообщества. Боцман не мог свалиться, словно снег зимой. Валера был заказом! Это был удар по твоей гегемонии. По твоему однополярному миру! Оголтелый и явно сомнительный пофигизм упёртого без дела Боцмана задевал тебя за живое.

Даже при абсолютно фантастических стечениях обстоятельств, при том что я совсем не мог вообразить себе такие кардинальные события, происходившие со мной, и тем более, что окажусь созерцателем своей жизни, почему–то, глядя на этого «по–ненужному настырного Валеру», у меня ин-

туитивно начинало сводить скулы. Дракон же наслаждался моей реакцией на этот премиум–кинопоказ...

– Уратмир, маленький ты – это просто кладезь невинного плутовства и непредсказуемости. Мальчуган–сокровище предвзятых умозаключений! Но почему категоричность суждения не приведёт его к истине? Может быть, существуют все ответы на все вопросы, но кто сказал, что они правильные? Ты был такой потешный и добродушный, что твои действия и возможность находить неординарное решение умиляли. Я сейчас продемонстрирую тебе финальную стадию твоих «пытаний» в отношении коварного Валеры. Уратмир, это столовая, большая перемена между рисованием и чтением, вы всем классом сломя голову залетели на обед, чтобы утолить свой голод. Бегло разместившись на мягких кресло–диванах, ребятня принялась сметать с сервированных и накрытых столов первое, потом второе, и вот, аппетит перевёл вас к сладкому. Только к этому моменту в кормовое помещение входит грузная и слегка угрюмая фигура Валерия. Смотри, он надвигается к твоему столу словно трамвай, упрямо и безальтернативно идущий в депо. Он даже улыбается как–то исподтишка. М–да, прожжённый «жучара»... Такой маленький и упитанный авантюрист–крохобор. Тебе так не кажется, Уратмир? – Обратился ко мне Дракон с задумчивым насколько это можно лицом. На что я всего лишь прищурился.

– Наблюдай! Тебя уже скривил молчун–вредитель, усев-

шийся по другую сторону стола. И вдруг ты оборачиваешься назад, реагируя на неожиданный звон упавшей посуды, сопровождающийся визгом девчонок, а мордато–таинственный и немногословный оппонент нагло выхватывает из твоей руки булочку. Начинает её заправски наигранно и упоённо жрать. Сказать, что ты был озадачен, это ничего не сказать. Такое нескрываемое хамство вскипятило чувства. Ты резко вскочил! Но выступающий в другой весовой категории контр–партнёр загадочно лыбился, словно знаменитый и задумавший подлость «Доктор зло», и тоже поднялся на пухленькие ножки. Ты психовал, но наказать или даже огорчить на раз труднопонимаемого Валерчика ты не мог.

Затем Дракон продемонстрировал то, как я утёрся в столовой и мы переместились в другой день. Геолокация – второй этаж. Тогда была скрипучая и снежная зима. Мороз покрыл все окна неопишуемыми узорами снежинок.

– Стоящий у тебя поперёк горла пончик Валера к этому событию уже сколотил подле себя трёх прихвостней и вновь озадачил тебя новаторской выходкой. Забежавший в кабинет розовощёкий, пышущий жаром мальчишка от стремительного перепада температуры, от которого даже шёл пар, а именно ты, визуально стал наблюдать абсолютно «быдлярскую выходку» четырёх резервно–подрастающих отморозков во главе с выкормышем зловещего поведения, занявшегося демонстрацией совести и человечности в вашей школе. Эти отрицавшие этикет, с неиссякающим энтузиазмом, «мощные па-

цанюрики», игнорируя минимумы социальной ответственности, открыли огромные двустворчатые окна настежь, впус- тив холод со снегом в класс, а затем взяли за ноги и за ру- ки ботана Данилу и принялись раскачивать его из стороны в сторону, головой по направлению отбытия из окна. «Ти- па пришилили не по–детски» – подумал ты словами сво- его дяди Андрея. Да, пусть «по жизни» Даня и был «сип- лым четырёхглазым ботом», но его право на жизнь и свобо- ду передвижения до появления Валерия никто не оспаривал. Да, он был тюфяком, размазнёй, тряпкой, в конце концов, но эти, спускающие гордость в туалет, качества нуждались в искоренении и устранении внутри рохли, а не вместе с ним. Так считал ты. А эта обнаглевшая компашка бездарей пере- шла все дозволенные и недозволенные грани. Грамотей орал как не в себе. А охамевшая шпана во всю глотку, в аномаль- но–озорном угаре неистовствовала, да хором приговарива- ли: «Море волнуется раз, море волнуется два», и так далее. Некоторые одноклассники смеялись, Даня же, с запотевши- ми очками, продолжал устрашающе нагнетать панику кри- ком. Картина была двойкой, тебе начало казаться, что они просто пугают «очкана» и не собираются его выкидывать. Но даже так, «знаток» был астматиком и социофобом. Он край- не болезненно воспринимал даже безобидный юмор, а тут целый аттракцион смерти с ним в главной роли. И наконец, эти спущенные с цепи уроды, обделённые моральными прин- ципами, произнесли: «Море волнуется двадцать!». У одно-

го из них в руке остался Данилов сапог, у другого – кусок оторванного рукава, а третий, разинув рот, испуганно смотрел в сторону настезь зияющего окна, куда безотлагательно проследовал «очкарик». Абонент стал недоступен! Все были испуганы, лишь гнусный Валерчик ехидно ухмылялся. Озадачено ты рванул к окну. Да, пусть это была снежная зима, и пусть на улице лежал снег и обилие сугробов не вызывало сомнения, но в полёте близорукий вряд ли успел подумать о преимуществах времени года. Пребывая в стрессе и панике, он также маловероятно предвидел, что воткнётся в двухметровую кучу снега. После неконтролируемого полёта охладевшего от страха Данилу вытащили из сугроба изумлённые школьники внизу, и тут ты выдохнул. Он шевелился и его слегка тошнило. Эти начинающие изверги с большой вероятностью могли выписать Дане абонемент на подобные приключения, ближайших лет, эдак, на пять. Ты думал: «Как же оборзели эти хамы!». Стая шакалов уже в открытую гнобила народ. Группа лиц, а конкретно «малолетних карапузов имбецилов», по предварительному сговору, распространило своё криминальное влияние на всех ботанов, фриков, слюнтяев. За базар отвечали все, кто по неосторожности попадал в орбиту новой банды носящих кепочки, увенчанные пропеллером. Рэкету в одночасье подверглись все крупные держатели запасов фишек. На счётчик были поставлены и наши параллели. В столовой каждый должен был отщипнуть кусочек булочки в пользу Бодмана. Взирая на этот беспре-

дел, ты был убеждён, что подмяты были все. Группировка во главе с Бецманом действовала нагло и бескомпромиссно. В этой шайке был даже введён дресс-код, все пособники: от «решал» до «босяков» – носили обязательные элементы новой силы – шорты на подтяжках; носки до колена, ни грамма не смятые, строго до колена, обязательно в параллельную разноцветную линию; под подтяжками – заправленная в шорты рубашка в цветочек или рубчик; у каждого был коробок с ящерицами и арбузная кепка с вентилятором наверху. Ни одна игра на биты и фишки при помощи «цу-е-фа» уже не могла проходить без крыши молодчиков. Они завязали на себе все конфетные коны. Сопливых «гангстерят» нужно было кому-то усмирить. Попытка интроверта Данилы пойти на конфликт выглядела жалко. Уверенное быдло, выглядящее брутально, обвешенное рогатками, столкнулось с лепетом «очкана»: «Позвольте Вам возразить...». На что ему, смеясь и схватив двумя пальцами за нос, ответили: «Позвольте Вам не позволить!».

Дракон неплохо пересказывал события тех времён. Он чётко подчёркивал пагубность тех процессов.

Ну неужели я не отвечу этим рвачам, объединившимся на основе отсутствия мозгов?

Взирая со стороны на их, кстати, недетские замашки, в моей голове звучала полицейская сирена и музыка из заунылой телепередачи «ЧЕПЭ!». Эти кандидаты в будущие «братки» тогда настолько замордовали младшую школу, что каждому

было известно – «лучше быть бедным, но здоровым». Отжим шёл по смете Боцмана. Жвачка, чипсы, батончики, «Погги» – это всё было предметом наживы. Каждый оседлый делился со школотой из группировки Валеры. «Чупа-чупсы», карамельки, кисленькие конфетки, лизуны, попрыгунчики, «тамагочи», лазерные указки, «йо-йо» были предметом разбоя жадного Боцмана. Они держали мелкоту в постоянном страхе. Методы и средства сеять страх поражали своим зверством. Даня выгребал не по-детски. Упёртый малый! Чувствовалось, что родина его не забудет. Вот, это его обострённое чувство виктимности, желание стать инвентарём! Боцман прикладывался к нему аккуратно, сначала снимал очки, а потом, целясь в глаз, бил. Причём всегда в правый.

Улица была под их контролем. Горки, стадион, детская площадка, песочница, угол возле входной лестницы, каптёрка, палисадник с наиценнейшими майскими жуками окончательно перешли в сферу влияния этих отморозков. Они действовали жёстко, их власть росла. Жвачка в любой момент могла оказаться у любого в волосах. В портфель подкидывали листья кактуса как предупреждение. Бегая по коридору, можно было легко столкнуться с вероломной подножкой распоясавшейся клики. Всё это было сигналом запугивания. Решительные и дерзкие, идущие к успеху во главе с хапугой Валерой, даже как-то попытались включиться в передел территории с четвероклашками. Наехав на старшиков из четвёртого класса, они первый раз понесли потери. В пу-

зо прилетело и самому Боцману. Тогда им знатно досталось. Бока им намяли! Именно после этого я понял, что их можно приструнить. Испуганные глаза и сочный фингал под глазом Боцмана дали мне надежду. Эта растерянная морда и слёзы из его глаз показали, что он может хоть что-то усваивать. Проявлять эмоции!.. А не только потаённо улыбаться.

Мне была необходима команда. Благо, натерпевшихся было в избытке. Выбор пал на ограбленного «бобра». Этот мажористый парень из нашего класса – первый кандидат. Да, пусть он и не питал симпатий многих. Даже когда его раскалывали как копилку, никто не переживал. Но сейчас, теряя барыши, он мог злобно броситься в бой, хоть ксивой там своей помахать или понты включить. Да, ему обязательно должно было прилететь, но в этом и состояла его роль. И никто не стал бы переживать. В общем, выгодный пацан. Плюс, всегда на подхвате был Данила. В качестве статиста его можно было отправить погибать в первые ряды. Он мог громко кричать и визжать, ну и на крайняк, кого-нибудь укусить.

Как сейчас помню, мне мог помочь «Чужак» – это негласная кличка Сёмушки, моего габаритного одноклассника, любящего плотно покушать, восемь раз в день. Всё внимание переключилось на него потому, что действовать нужно было именно сейчас. Возникла необходимость в консолидации тех, кто присягнёт мне на верность. «Чужак» всегда держался обособленно и любил втихую хомячить. Точнее, его рот всегда чавкал. Таинственный и сытый парень, он мог под-

нять боевой дух тех, с кем пришлось бы идти на Боцмана. Просто эта публика: от бухгалтера до мажора – не внушала доверия. Я подозревал, что если дойдёт до дела, некоторые из них врубят заднюю. У всех появятся дела. Это сейчас, на словах, они готовы костями лечь. Но не надо быть астрологом, чтобы понять: «кроме упёртого Дани, погибать никто не будет». «Чужака» до сих пор никто не трогал, но и он ни к кому не лез. Этот крепкий и, наверное, отважный парень мог стать козырем в моём рукаве.

– Уратмир, вот ты общаешься с Сёмой. Прекрасная зимняя погода, в окно светит солнце. Заснеженная улица да дым из труб соседних зданий придают шарм этому полдню. Уроки закончились. Семён молча восседает на скамейке. При этом, как повелось, пережёвывает сладкий пряник. А ты втираешь ему концепцию происходящего.

Дракон, корректно предоставил мне возможность прослушать этот краткий, но интересный монолог. Я так забавно разговаривал: где слегка шепелявил из-за утерянных молочных зубов, где-то неловко картавил, пытаюсь говорить быстро, при этом теряя смысл сказанного. Я старался быть уверенным, добавляя интенсивную жестикуляцию, явно имеющую сходные черты с повадками моего авторитетного дяди Андрея.

«Ну Сёмуфка... Нью пойми... Этьи... Этьи типфы, совсем рамсы попьютали...» – это пытался картинно втирать голубоглазый, красивый, с длинными ресничками шко-

ляр. «Сёмушка, скоро пряники безопасно будеть приносить телько на фотографии» – это твёрдое заявление слегка пробудило интерес пережёвывающего «Чужака». «На кёго они батён крёшат?! А–а?!» – с визжащим прикриком, сложив руки за спину, следуя из одной стороны в другую, произнёс я.

Видно было, что смекалистый яркий мальчуган, всячески ухищряясь, пытался привлечь крупногабаритного парнишку к своим корыстным интересам. Но Семён продолжал жевать и безразлично помалкивать.

«Ню, ню, Сёмушка, нам просто необходимо им предьявить!» – тряся указательным пальцем поверху, как наставление, вопил я. «Чужак» с поникшей головой лишь изредка приподнимал на тебя взгляд. Стеснялся что ли? «Вписаться надё, Сёмушка! Ню, вот в смыслеле они так деляют?!» – искромётно и в силу максимально возможного возрастного ума я пытался сагитировать тугодума Семёна к активным действиям, продолжая щебетать. «Ню, ню, Сёмушка! Ню, слушай сюда! Тибе прёсто необходимо ушатать Ботмана!»

В этот момент щёки лопающего Семёна приостановились. Он стал внимательно прислушиваться. Наверное, хоть он и был недалёким, но основной прикол сёк сразу. Из его выпученных глазич и прекративших перемалывать жерновов, следовало, что тумачи он не любил и в мою концепцию, скорее всего, не уверовал.

«Сёмушка, ну вкури, накёнец! Гнилёй базярь тут не каня-

ет! Придётся впрячься!»

Семён ещё очевиднее напрягся. Он пятой точкой чувствовал те неожиданные приключения, на которые так витиевато я его подписываю.

«Сёмуфка! – вдруг архисерьёзно и резко произнёс я, хотя со стороны это нравоучение выглядело очень потешно. – Обычные мирянье прогьнулись! В скором, втухать будем все! Общественность интересуются, с кемь ти?!»

Пончик уже начинал потеть. На поверхности было, что душка в нём маловато. Адептом щекотливого разбирательства он быть не хотел.

«Сёмуфка, ти просто видерни его побазарить. Чин–почину, ми подьключимся».

Дракон продолжал умиляться, созерцая мой детский, но «конкретный» расклад.

«Сёмуфка, отсяртируй сьвои аргументи. Не вибрируй. Пусть э тоть речь фьльтрует».

Боязливого пупса выдавали бегающие глазки. Он уже хотел сменить адрес.

«Сёмуфка, придётся попыхтеть. Есьли замесь будеть серьёзным, не мандражируй. Сразу задьнею не втикая. Одиный из терпиль вызовет фараонов или класснюю!»

Я регистрировал любителя пожрать в гангстерскую разборку. Семён несознательно начинал мотать головой в отрицательные стороны. Оказалось, что он был сильным и круглым дураком.

«Сёмуфка! Я уже наехал от твоего имени на этиго босяка Боцмана!»

Вот, именно это известие было крайне коварным для нежелающего влазить, в этот небезопасный замес Семёна. Он аж сначала побелел, а потом позеленел.

«Сумуфька, мулька в томь, что есть плань. Затащить возможно! Поверь, братянь, он не тьяк крепок и свирепь, какь кажется. Попитайся стрельнуть ему в щи джебомь? Потём вертушка и кувырокь... Маневрируй... Подьныривай... пропустивь в пузо, сразу не плачь! Есьли тьебя начнут бить ногами – значит коалиция рассыпалась! Сразу лезь подь лявку.»

Семён на глазах взрослел. Взгляд становился осознанный и глубокий. А вероломная схема с поиском убежища ему не нравилась.

«Сёмуфька, он обычный «Чел». Онь тоже, как и ти, испугань, до трясячки. Какь только я бросил ему вызёв от твоего горьдого имени, онь даже не сразу согласился. А где–тё секундь пять, а тё и восемь, сомневалась. Этьо потём онь оскарбил тибя. Сказявь, что размажу этого жирного урода!», «Выбью из него весь дух!», «Отделаю как бог черепаху!». Но в целомь этьтё былё наиграно».

По совокупности реакций и обмякшему внешнему виду, до недавнего времени хорошо и спокойно жившему Семёну, было ясно, что он думал только об извинениях. Ему отчаянно хотелось выклянчить пощаду у дерзкого Боцмана.

– В дальнейшем, Уратмир, ты до конца допугал парня, который сначала побежал в туалет, а потом имитировал болезнь и не ходил в школу целый месяц. Даже схуднул! – уточняяще подчеркнул Дракон. Так сказать, визируя свой вопиющий акцент радости.

Да, романтизма, как и ... упоённой лирики в моём предложении не содержалось. Семён оказался сыкливым и нерешительным пареньком, но вот называть его опрометчивым, я бы не стал.

– Уратмир... Ты умел... – саркастично пытался выдать из себя Дракон. – Умел вдохновить и ободрить. Но это и эти эпизоды лишь частности. Главное – твоя неподражаемая харизма. Насупленные бровки, детская непоколебимость и решительность. Морща лоб, ты уверенно хотел подложить Семёна под тумачи. В тебе, в восхитительном малыше, упорствовал буйный дух. Настойчивость и хитрость направляли тебя к успеху. Непреодолимые грани мира тебя никогда не смущали, а наоборот, лишь подзадоривали. Ты не отступал, перебирая различные варианты. И, как итог, ты посрамил, и, если можно так выразиться, осадил взбесившееся кодро, во главе с Боцманом!

Тихо–тихо мы подходил к кульминации этого кризиса. Я сам уже не помнил, как низверг развинтившихся негодяев. Развязка крылась где–то неподалёку.

– Уратмир, тебе хватило внимательности и смекалки, чтобы понять слабости и страхи «хмурого бочонка». Он до

смерти боялся оставаться один! Возникла надежда, что данную катку можно затащить! У этого «жирненького валушка» был такой обычный испуг «одиночества» и замкнутого пространства. Забрёзжил шанс расстроить Боцмана! Заставить вести себя поскромнее! Как-то однажды ты сумел успешно реализовать своё наблюдение! Тебе удалось ненадолго прикрыть туполобого Боцмана в кабинете биологии. А в череп лабораторного скелета, точнее в его челюсть, вложить телефон на виброзвонке. Этот пузан и так немыслимо боялся оставаться последним в раздевалке, а тут целых два неповторимых часа, проведённых в живописном кабинете. Данное событие случилось уже после занятий, когда учителя ускользнули на педсовет, а все классы младшей школы в полном составе, стройными рядами отправились в актальный зал для просмотра театрализованного шоу по мотивам незабвенного Пушкина «Сказка о царе Салтане»!

Да, я был мастером! Организовать такое мероприятие! Бедолагу Боцмана раскусили! Склизкий браток испил сполна то, что заслужил...

– Уратмир, ты оперативно подметил в ходе опросов, осмотров, наблюдения, сбора данных, что молчаливый хулиган до обмеления боялся оставаться в одиночестве. Чтобы план с кабинетом биологии сработал, тобой даже был проведён предваряющий эмпирический эксперимент. Ловко подперев отвратительного Боцмана на несколько минут в спортивной каптёрке, куда последнего отправил физрук за сет-

кой с мячами, ты выяснял реакции. Затея была рискованной. Отворив дверь, ты ожидал тумачков. Но подловленный пухлик, испугано натарабанившись в дверь, расклеился. А точнее, расплакавшись, молча вытирая слюни, убежал прочь. «Вот это эффект!» – подметил ты. Здесь же ему предстояло провести два или три часа в постепенно смеркающемся кабинете, на фоне макетов людей, манекенов, их органов и чучел животных. Как только Валера замаячил на твоём безоблачном небосводе, ты безотлагательно засобирался его извести. Сидя в актовом зале с мобильным телефоном в руках, неуловимый мститель в твоём лице терпеливо ждал момента, когда солнце уступит свои права луне и воцарится темнота. Агония заносчивого студня к этому моменту достигнет апогея. Весь честной народ альма–матер, по твоей задумке, был обязан узреть фиаско твоего соперника. По Гринвичу девять! Выразительно улыбаясь, под изумительно мелодичную музыку Шестаковича, которая добавляла оригинальности смелой постановке классики, мальчонка в твоём «уси-пуси» исполнении отзванился скелету на челюсть.

Мы с Драконом в этот момент были в зале, где я наблюдал за собой. Эта симфония словно лилась в ход сюжетной линии. Такую гравюру не подделать. Низкие и высокие ноты словно в такт подыгрывали моим эмоциям. Отмщение бурлило от удовольствия! Это был пир моих эмоций и мелодичных нот, глумившихся над эгоизмом и хамством. Перевоспитание Валеры вступило в заключительную фазу.

– Прекрасная мелодия, не правда ли, Уратмир?! Как считаешь, заборзевший хрюндель оценил этот телефонный вызов? Когда Боцман, утираясь от довлеющей темноты, скованный тишиной, опустив руки от безысходности, осознав, что долбить в закрытую дверь нет смысла, забился под парту пустого и запертого кабинета, по законам триллера, неопишимо реалистичный скелет начал оживать и светиться! Ох, эта прекрасная музыка! Этот композитор сочинял великолепные произведения!..

Дракон, витая в пространстве, покачивал своей головой из стороны в сторону. А я почему то представлял себе истерику и визг Боцмана.

– Уратмир, ты звонил и звонил! Звонил и звонил! Концерт, или реприза, или творческая сценка закончилась. Контингент учащихся в замечательном настроении направился по классам. С совещания возвратились и учителя. А затем за отворённой дверью, в светлице под партой столпившаяся толпа обнаружила внезапно заголосившего: «Мама!», «Мама!» – в недавнем прошлом brutального хомяка. Ты был горд и непреклонен! Это была победа! Тебе удалось достичь всех поставленных целей: Боцман был посрамлён! Боцман заговорил! Дурь из него была выметена! На корню был пресечён общественно опасный рецидивист! Теперь хотя бы логопед мог начать с ним работать, убедившись, что парень способен к вераблике, и вылечить его дефекты речи и отклонения. Боцман открыл в себе новые грани, такие как «Спа-

сибо», «Извините», «Прошу прощения», «Уратмир, я заплачу», «Это место Уратмира» и т. д. Плюс, крохотные плюшки в виде тех, что кабинет биологии на целую неделю был закрыт. Его отмывали и проветривали от остатков переживаний позеленевшего, вспотевшего и ещё вчера крутого и скупившегося на слова Бодмана. Устойчивый запах полураспада Валеры ещё месяц выветривался оттуда!

Из воспоминаний школы Дракон понёс нас в мои десять тире одиннадцать лет. Мы очутились в квартире бабушки Лиды. Мама куролесившего Вованчика, моего культового, во всех отношениях, дяди. Путеводитель в лице Дракона указал мне рукой на смешного мальчика, который нетерпеливо, хвостиком бежал за только что вернувшимся домой Вовиком. Он важно снимал смачную кожаную куртку и следовал в свою комнату. Это была мужская обитель, альфа-самца. Вовик постоянно был сногшибательно крут! Даже сейчас я удивлялся его самолюбию и необъективной самооценке. В то же время сопливый и светящийся от счастья, я буквально по стопам, бежал за «не знающим поражений» сердцеедом... Блин, как же он так важно скручивал губы, когда снимал свои экшн-очки. Он прям святился пафосом. А его резкие и дешёвые духи с токсичным лаймом, напоминавшие освежитель воздуха в уборной, нравились только ему. Но, как считал Вованэ, этого было достаточно! Его парфюм был отвратителен, но «главное» было в другом – они нравились голливудскому Вове. В нём сочеталось несочетаемое! У него

не было ни вкуса, ни тормозов!

Раздражающий утеплённый крокодиловый пиджак в сорок по Цельсию летом. Главное, что Вовик считал его отпаданным и стильным! Он придавал ему плотности и солидности! Непреклонность Вовы в своих ошибочных убеждениях являлась главной проблемой других!

Ходить ночью в противосолнечных очках не проблема, главное, что так, на его пофигистический взгляд, он выглядел решительно. А если кто-то не дай бог пытался проанонсировать Вовчанскису обратное, так сказать, пошатнуть его счастливые иллюзии, то этот мирянин в лучшем случае сталкивался с нерушимой и аргументированной позицией: «И чё?!», «И чё тогда?!». А если эти железобетонные доводы сто двадцати пяти килограммового Вовы не внушали нужного результата, то «дать по шам или по рогам» не в то время внимательному доходяге было доблестной обязанностью Вовика.

Слова «если», «если ты!», «если он!», «если вы все!» вообще были простым измерением нужного и ненужного для Володи. Дядя любил тактичных прогнувшихся людей, которых не было заметно. Ведь его нос всегда был задран. Находясь с ним в одной комнате, лебезящему человеку удавалось поговорить только с собой. Мой другой дядя Андрей почему-то звал его «Святой Альбэрт!» или «Святой Патрик!», только в старшем возрасте мне открылось это таинство... Ведь Вова был нескромно всегда прав! Ведь вопрос «И чё?!»

плюс вес и сила Вованэ – это аксиома, не требующая доказательств. Володя не переваривал полемику, ведь его желания были заповедью.

Медленно, после оживших во мне воспоминаний я сконцентрировал внимание на происходящем в комнате Вовы.

– Уратмир, смотри, твой скабрёзный дядя включил свой персональный компьютер...

Я сразу вспомнил тот приятный шум охлаждающего вентилятора в блоке компа. Этот заманчивый и слегка таинственный звук оживания монитора с кинескопом. Этот интригующе электронно–шумящий модем. Этот телефонный кабель, который тянулся при подключении к интернету. Эти буквы и цифры, бегущие по таинственно–чёрному экрану монитора с электронной лучевой трубкой. Шарм от этого куда вычислительной мысли, по моему детскому мнению, был баснословен. Эта штукавина была преобразователем моих детских желаний в явь. Я был готов на всё, чтобы хоть немножко поиграть в игры на нём. Великолепное устройство, воплощающее все мои ожидания.

К этому моменту «Святой Альбэрт», ударение на первую гласную, расчехлился до парашютных семейных трусов в красный горошек. Задёрнул шторы. Достал из сидибокса невообразимо офигенно модный оптический диск с музыкой. Вставил его в навороченный музыкальный центр с шестью колонками по периметру комнаты, две из которых по тысячу ват, с сабвуфером. Следом накрутил басов, чтобы со-

седи по всему дому и мамочки на улице осознали, что «Святой Патрик» дома. Надо ли говорить, как его ценили окружающие?! Мне он тогда казался потрясным... Затем, будто действуя по отлаженной схеме, вышел на кухню, и сразу заварил кофе у себя во рту! Да! Да! Возглавляющий иерархию доминирования Вова ценил своё время, здесь главное слово «своё», ему некогда было тратить его на распотякивание. Эти минуты были нужны на сон и немного на развлекуху. Поэтому гранулированный кофе ложками сразу засыпался в рот и туда же заливался кипятком.

Хитяю тяжёлой музыки набирал децибел и пробуждал животный тестостерон Вовы, который пробивал потребность в еде. Схема работала безотказно! Мозг получал запрос от пищевого тракта на питательные вещества и «Патрик», не вдаваясь в условности, потрошил холодильник. Причём аналогичная картина с дефицитом времени прослеживалась и при пережёвывании пищи. Кетчуп и майонез он поглощал прямо из упаковки. Выдавливал их себе сразу в ротовую полость. А затем, покурив, надувал эту выжатую упаковку и как новую ставил в холодильник. Он умел пошутить! Здесь нужен смайлик!

– Уратмир, компьютер загрузился, ты бежишь из кухни к компу, а затем запрыгиваешь на приготовленное Вовой местечко. Твои глазёнки горят счастьем. «Святой Альбэрт» тут же фиксирует неприемлемую ситуацию. И пока ты ещё не начал стучать по клавиатуре, он, подбежав, объяснил тебе:

«Малой, соскочи!». Ты знал радикальную жизненную позицию дяди. И дабы не будить лихо, пока оно тихо, вылетел с кресла.

Да, припоминаю, как мне хотелось поиграть в этот компьютер. Желание было бешенное. Вовчик обычно залипал в игрушки на пару часов. Зная такой распорядок, мелкий я притарабанивал крохотную табуретку и смиренно, но с глубочайше неподдельным интересом замирал рядом. Я вылуплял свои огромные глазищи в экран и наслаждался этим чудом. «Святой Альбэрт» громил врагов с ружья или заходил на спортивном болиде в поворот. Я был послушным зрителем, созерцавшим каждое нажатие клавиши. Напротив, мой не восприимчивый к мольбам дядя даже не замечал вовлечённого в процесс его гейминга мальчика. Кстати, это слово «гейминг» он тоже не переваривал, оно было какое-то двоякое. Я тогда, как и сейчас, хорошо знал, что сидеть надо тихо-тихо, не издавая ни малейшего писка. «Блаженный Патрик» болезненно реагировал на шумы и улюлюканье в моменты своего катарсиса. Только тяжёлая или блатная музыка, где есть его любимые строчки «Что ж ты, фраер, сдал назад!», «Походкой бандита, вся жизнь шита-крыта!», «Мамочка, я полюбила бандита!», «Я прописан в Сонцево!», «Пацаны, Колыма и Магадан!», «Падали, но поднимались!», «Седая ночь!», не закрадывалась в него озлобленностью. Это были песни для утомлённой души! Его психология вообще не поддавалась изучению. Банковавший, беспечный брутал

хотел знать только свою правду. На чужую он реагировал, или реакцинировал, слегка неожиданно, с прогнозом на искривление носа визави. Он любил рестораны, хмель, стрелки, романтику, бесстыдный флирт, риск и решать!

Как беглый пример, навеивается вечерняя прогулка Хищника в блокбастерских очках на носу. Какой-то недально-видный бездельник, слонявшийся в позднее время возле продуктового магазина, однажды опрометчиво усмехнулся в сторону распальцованного Вованэ. Естественно, не страдая от отсутствия инстинкта самосохранения, обходительный мерзавец, спешно, наглой походкой, обруливая коленями восьмёрку, подскочил к жертве. Согласно жизненному кодексу Вовы и чести на кону, перед ним стояла «флегма». Почему «флегма», почему в третьем лице, не знаю. «Святой Альбэрт», ударение на «э», по-своему оценивал окружающих. Когда Вовик включал раздухарённого павиана, он, так не любивший задумываться о «причинах там», «последствиях», напрочь переставал думать. Скинув с ручника крайнее хамство и спустив с цепи свой пофигизм, Вова без ложной скромности обрёл аморальное мироощущение, что довело до распущенного поведения. Как итог ситуации, «Сиплый» услышал одну конкретную фразу: «Аргументируй, дядя». Естественно, когда к тебе впритык подходит парень, любящий бокс и тяжёлую атлетику, проницательный оппонент начинал осаживать, превращаясь в неуверенное ничтожество. Но экстренное съезжание, тем более не вовремя, а поздно,

в дикой природе диктовали хищнику другие оценки. Ну никак не жалость! «Джек», как иногда называл Вову мой папа, либо «Блэк Джэ», может, это как-то связано, обосновывал своё недоумение «Сиплому» хлёстким щелчком в переносицу. Затем «флегма» отправлялась на асфальт. Вова добавлял показушной крикливости в сторону потерпевшего поражения «Сиплого». А группа его кинтюриков, авантюрно тёршаяся там же, изумившись от выписанных Вовиком контрдоказательств их бычке, начинали плавно теряться кто куда, дабы не составлять компанию своему корешу, потерявшему сознание от взаимодействия с нечитаемым и непрогнозируемым человеком. Вовик мог мгновенно превратиться в слона в посудной лавке, где хрустальные подбородки сиплой гопоты разлетелись бы по бордюрам и порожкам магазина. Теперь этот парень с пробитой головой, живописно расстелившийся на холодном тротуаре, попавший в аргументированную западную сильного и дерзкого Вовы, будет ходить в солнцезащитных очках каждый день. Вова умел!!! В этом он был весь!

– Уратмир, приглядиись, как маленький мальчонка с длинными ресничками и лунными глазами пристально и заврожённо наблюдает, за тем, как рубится в игры Вован.

Дракон был неумолим. Он чётко подобрал для меня картинку острых и будоражащих воспоминаний.

– Вовь! Вовь?! – произнёс мальчуган, расположившийся рядом.

– У–у–у... – вовнутрь этой самой «У», как бы реагируя на мой зов, издал «Вованище!»

– Дашь поиграть?!

Да, видимо, притягательность компа напрочь отбила у меня чувство здравого смысла. В такие тревожные моменты, когда Вовику притязательно навязывали недопустимые требования, а проще «полоскали мозг!», «конопатили мозг!», «капали на мозг!», как сам выражался правообладатель этих фраз, обычно, или буднично, он выписывал лаваша! Это действие объективно вписывалось в устоявшиеся жизненные ориентиры Джэка. Такая постановка в его исполнении называлась «Дал–дал, ушёл!». Но здесь был «Я». Это корректировало схему «Патрика» при решении проблем. И поэтому «олигофрен» просто «угукнул...». Так непристойно иногда «Альбэрта» называли водители из–за того, что Джэк мог бросить свою машину прямо в интенсивном потоке. И исключительно без авариички! Я же ждал с нетерпением. Мои глаза светились счастьем! Вот–вот, ещё чуть–чуть и я сам лично смогу поиграть! Наконец, моё время пришло!

Уже смеркалось. У матёрого самца Вовика начали срабатывать естественные процессы и инстинктивные желания. Его звала улица! Суммарно, если подытожить, то Джэк любил несколько вещей. Неожиданных вещей! Первое, это спать! Это был основной приоритет! Так как Вова относился к млекопитающим – класс плотоядных, отряд «Рукожопые!». Второе, это акт воспроизводства рода! Сейчас, види-

мо, на основании своего глубочайшего парадигмального анализа, а именно «спать ему не хотелось!» и «ему этим вечером обломится!», Патрик интуитивно почувствовал доминирующую потребность... Район каждый вечер обильно заполнялся «светскими львицами», а у нашего бескомпромиссного ловеласа был огромный арсенал средств, чтобы ночь состоялась. Злачные места возле лавочек и беседок превращались в поле демонстрации своего здоровья, репродуктивной способности и показ шоу с поднятием над собой какого-нибудь бедолаги. Если кратко о доктрине, трюках и штуках, которыми Дон-Жуан заманивал в свои сладострастные сети дам из высшего дворового общества, то звучало это так: «Обещать не значит жениться». Этой фразой он затыкал свою предынфарктную совесть. К этой мудрости Вова обращался, когда та или иная сударыня начинала «поласкать ему мозг!».

И вот, тот самый сладкий миг! Вовчик откидывается на спинку кресла, потирая глаза руками. Широко зевает, ведь он устал. Это должны знать все. Потом утомлённо поворачивает на меня свою голову. Видит меня! Вздрагивает! Вообще в целом вспоминает о моём существовании. Слегка задумывается... Надувает щёки и потихоньку разочарованно выдыхает... Тыкает пальцем на кнопку «включения и выключения» персонального компа! В свою очередь тот мгновенно тухнет. Вова, позёвывая, говорит: «Сломался». И разминая через похрустывание шею, откланивается по своим делам. А я, разинув рот, бегая с намокшими глазками и с горь-

ким комком в горле от произошедшего, остаюсь обтекать на скромной табуретке в потемневшей комнате...

В этом был весь Вовик! Он умел! Затем проходило несколько омерзительно обидных минут. Я сокрушался от несправедливости! На моих глазах наворачивались крупные слёзы! Нос начинал шмыгать! То ли мне было жалко комп, который вышел из строя, то ли я где-то чувствовал ложь. Вованидзе же, уже одетый, возвращался обратно, чтобы надуться. Видел банальщину, навевающую тоску, в виде рыдающего и всего в соплях голубоглазого мелкого, подходил к компу и говорил: «Заработал!». А затем я играл долго-долго. Лишь по началу, слегка задыхаясь при вдохе, пытался не пускать свои слюни и сопли из носа. Эта истерика и перебои в дыхании медленно, но приятно сменялись невообразимым счастьем...

– Уратмир, твой феерический дядя – это особь небывалой логики... В нём сочетался «неизмеримый подлец» и «редкий талант к ничему»! Из твоей жизни следует, что он один из главных калейдоскопов, который формировал твоё представление о жизни.

Дракон глаголил истинную правду! Мой красочный, сочный и колоритный дядюшка развил в моей голове лабораторию смыслов, пытающихся нащупать великолепие ощущение Джэка.

Мы с бритвозубым путеводителем сместились немного вперёд во временных рамках. В тот момент, когда начи-

нающий «стендапер» приболел, «"Св. Патрик" "простудился"!» – это уже само по себе было странным! Обычно даже в часы эпидемии «оспы, чумы, цинги, тифа, пневмонии» плохиш Вова забывал болеть. А тут вульгарный случай ОРВИ! Для спасения Патрика от насморка и лёгкого озноба бабушка расторопно приобрела в центральной аптеке мощный антибиотик. Вечером медицинский препарат был предоставлен «Святому Альбэрту» для употребления внутрь. Спросите, почему без рецепта и в обход врача, банально, но Вова даже ветрянку поначалу лечил аспирином! В этот злополучный вечер Джэк стоял перед непростым решением... Он был озадачен! Завтра вечером его ждало выступление в набирающем популярности среди молодёжи «стендапп клубе!». Он старательно репетировал целую неделю... Поэтому ему необходимо было выздороветь сразу. А как это сделать?! Очень просто... Выпить разом пачку сильнодействующего антибиотика! Такое решение подсказывало Вова его непостижимое или местечковое подсознание. Не важно, что есть инструкция, где перечислены противопоказания! Он думал по-другому... пить по одной капсуле семь дней подряд – это долго! «Блэк Джэк» имел другую логическую цепочку: если нужно вылечиться «к завтра», значит глотать нужно одновременно все таблетки! Этот момент является калькой помыслов и действий Вована. На утро после интенсивного самолечения «апостол» столкнулся с разочарывающей действительностью. Джэк пребывал в состоянии полураспада...

Он светился, как от радиационного облучения... Глазные яблоки были похожи на варёный желток. Язык преобладал зелёными тонами. Голова от веса тянулась к полу. В такие моменты «Святой Альбэрт» учился! Скорее он даже прозревал. Нет, критику он по-прежнему ненавидел, но «бо-бо!» чувствовал... Тогда он так и не попал на свой первый стендап. Ну и слава Богу! Если откровенно, выступление у него было крайне паршивое... Обкуренная наркота, которая должна была собраться на это культурное мероприятие, не оценила бы. Репризу ему писал один ботан, который перестал брать телефон, когда ему звонил Вова. Это невежество продолжалось неделю. Джэк тогда не сдал пару рефератов, за что выхватил двойки. Естественно, в понимании Патрика виновным был ботан. Джэк настиг его в туалете ночного клуба, где бот из закрытой кабинки брезгливо спрашивал своего сухого друга, которому в этот момент Альбэрт лупил в глаз: «Сява, посмотри, шелупонь всякая уже разошлась. И... и... этот Вова тоже?». За этот базар Сяве ещё раз прилетело. Вслед за этим Джэк вырвал дверь кабинки, где обнаружил обзревшую добычу. Ботан эротично улыбался. Ему грозило смягчение стула... Вова был в гневе... Но сошлись на искромётном сценарии к стендапу...

Этот пародийный жанр был не для Вована, у него гораздо лучше и смешнее получалось интенсивно под музыку нахлобучивать какого-нибудь наркологу, подозрительно часто шуршавшего возле его в бункер затонированной девяносто

девятой. Такой инцидент однажды вечером случился перед его квартирой, на первом этаже многоэтажки. Патрик как обычно, повседневно вальяжно подскочил к подъезду своего дома и остался сидеть в машине. Открою секрет, там он лобызался с очередной сеньоритой. Для меня это был шанс играть в комп до самой позднего времени. Но ближе к часу ночи меня потянуло в сон. Мелкий я выключил комп и выглянул на балкон. Пробыть геолокацию Джэка. Следом я заметил, как вульгарный торчок, суется, заглядывает в хлам тонированную тачку агрессивного в такие безнравственные моменты Вована. Восприимчивый «Св. Альбэрт», наверное, с глубочайшим удивлением всматривался в нетривиального торопыгу из салона. За спиной в руке нарколога присутствовал крупный красный кирпич. Понятное дело, упоротый тип хотел насадить Вована на магнитолау... Понятное дело, сидящий в машине Блэк Джэк эту схему тоже понимал... Понятное дело, я был весь внимание и тихо-тихо, затаив дыхание, наблюдал развитие непредсказуемой ситуации. До этого момента я ещё никогда не видел, как человека переезжает машина. Такие перлы мог отчебучивать только Вова. Пинать труп под музыку, пожалуйста! Мне так и представлялось, что думал Вован, когда неосмотрительная и опустошённая морда штыря сыкливо маячила перед ним снаружи тачки: «Это, что за нахер!», «Это он меня хочет кинуть на аппаратуру?!». Это было отвратительно, но я не мог оторваться, чтобы не смотреть.

Джек давно поставил данный вид решения проблем на практические рельсы. Лейтмотивом устремлений Вовы выступала жажда побрить без лезвия заполонивших район отбросов. Альбэрт в эксплуатации своих стимулов был проще молотка! Огорчать вовремя не очухавшихся кислотников было его темой.

В этот поздний час, после утилизации сконфузившегося наркомана наш Вован пришёл довольный до соплей. Патрик отчебучил на славу... И поэтому мог активно придаться богатырскому сну. На его лице сияла улыбка!

Одной из противоречивых причин неудач Вована являлся Морфей. Именно сон, который он так любил, мог ломать жизнь любому. Не приведи господь, было разбудить Блек Джека. Этот бесчеловечный поступок мог довести его до жуткой яростной злости. Наш крупный парень обожал свою зону комфорта! А нарушившего её ждал животрепещущий диалог с невоспитанным в данный момент тунеядцем. Патрик мог выписать квитанцию о платеже не сразу, а после ряда рекомендаций, куда тебе пойти...

Мы как-то с моим дядей Вовой на скорости девяносто километров в час в жилой зоне, не уступая ни на йоту пешеходам, используя тротуар как автобан, телепортировались к нашему подъезду. Да, да, Вова был не святой, но как говорил мой другой дядя Андрей: «Это только пока!». Тогда мы подкатили к многоэтажке вечером после насыщенного денька. Джек возил меня в парк прогуляться! Аттракционы, кару-

сели, пони, тигры – мне нравилось! Развлечения обростали обаятельностью, когда Вованэ ошивался рядом. Эта увеселительная прогулка смогла состояться как контрибуция после того, как Вовчанский сходил в кино без меня! Перед уходом в синема он сказал так: «Малой, я в кино, но кино смотреть не буду!». Следом входная дверь захлопывалась, а я обтекал. Большой привет от «Святого Альбэрта»! Но капризный ребёнок, то есть я, интенсивно ныл и подвывал, что провоцировало бабулю на то, чтобы заставить Джэка уделить мне время в дальнейшем. Я обожал кататься и прогуливаться с ним. Его весёлое и мастерское вождение автотранспортного средства было восхитительно. Как на американских горках. Я был его маленьким штурманом. У меня была классная детская маска Дарта Вэйдера, в которой я любил ездить. У меня даже сохранилась фото, где мини-Дартик Вейдер с трудом, но предостерегающе выглядывает из открытого окна девяносто девятой. Визуально, кар Вовы, с моим присутствием внутри, напоминал «Звезду Смерти». В таком образе и, потягивая сок из трубочки через маску, я подъезжал к школе под императорский марш в детской обработке «Тюнь-ть, Тюньть... тютюнь... Тюньть». Ещё Патрик, по обыкновению, заваливал меня чипсами, чупиками, лимонадом, чтобы я помалкивал в дороге. Это было чудесно! Спортивная езда Джэка бесила исключительно соседних автолюбителей. «Святой Патрик» убеждённо считал, что окружающие его остальные участники дорожного движения – возмутитель-

ные бараны и овцы. И это ещё корректные определения. Его то высказанное мнение было куда конкретней.

Когда «блаженный сударь», двигаясь в потоке, внезапно решал, что ему именно сейчас необходимо что-нибудь прикупить и именно здесь, то выглядело это так... Посередине двух сплошных брошена его машина!.. Такой трюк назывался «Владимир парканулся!». Да, серьёзно, он считал это парковкой. И пофиг ему! Ведь даже если маленький «Я» сидел рядом, он не стеснялся в выражениях, когда кто-то другой так парковался. А если точнее, когда другие нарушали основные законы ПДД и воззрения Вовчика, он экранизировал это мгновенно в моих глазах фразами: «Кобыла, гриву от телефона оторви!», «Слышь, отчаянный, чё ты там бубнишь? Встретив меня, удача на тебе закончилась!». Катаясь с великим уравниателем, мне всегда казалось, что вокруг нас зоопарк или зверинец. Со слов успешного Вовика, нас постоянно окружали одни носороги, олени, единороги и сказочные дебилы. К гадалке не ходи! Он, иногда резко выходя из машины, говорил мне: «Сейчас, подожди, лося пробью!». Затем я видел, как обожающий «движуху» краснощёкий мордорот трёт кого-то о свой бампер. Этому нецивилизованному событию, по обыкновению, предшествовал удар автомобиля Джэка впереди стоявшей тачки. Случайно получилось, Вова засмотрелся в свой телефон, а на пути это корыто. Вдобавок ко всему, обычно неприемлемо экспрессивное поведение и высказывание потерпевших водителей, с читае-

мым на их устах: «Олень и баран!», очевидно, адресуя в сторону буйвола Вовы, вызывали у профессионального гонщика, со стажем два года, другую реплику: «О—о—о, какой ты нежный, мальчик Томи!». Почему Томи? Почему мальчик? Не в курсе... Ну а дальше по отработанной схеме: «пустое место», по совместительству грубиян, изъелозивший нам лицом примятый капот, интерпретировался Вованом как реальный виновник незапланированного ДТП.

Джэк всегда был прав, без рассуждений, заранее предвосхищая, наверняка, безусловно, прав! Но об этом знал только он, до того момента, пока ты с ним не столкнёшься. «Святой Альбэрт» исключительно никогда не был виноватым, он это точно знал всегда...

Вот кто мог быть повинен, когда Вова однажды летел как не в себе, наваливая в тапок, и случайно, повторяю — «случайно» не заметил, повторяю — «не заметил» тридцатитонную фуру, груженную щебнем, и влетел под неё. Тягач лишь слегка пошатнуло... Естественно, сразу, сто процентов, даже не обсуждается, был виноват дальнобойщик. Этот крендель абсолютно лицемерно и, прежде всего, опрометчиво не увидел глубокой ночью наступающего на акселератор, с неработающими фарами ближнего, дальнего и дневного света Патрика. Джэк, если можно так выразиться, шёл в режиме ожидания. Или, скорее, в режиме оперативной тишины. И наплевать, что грузовик ехал на зелёный, это не смущало Вову. Вот на хрена, столько колесить и не ожидать, что у Вована

в этот роковой вечер сломается последняя фара?! А?! А–а?! Где опыт? Вот!!! Кто виноват?! И Патрик тоже так думал! Альбэрт хотел починить их на СТО. Целых полгода он собирался это сделать, но ведь эти месяцы всё было нормально, а тут на тебе! Ведь без тормозов, он вообще ездил год... Ручника хватало!

Поэтому, когда драйвер фуры заметил, как из раскруженной и смятой машины выбирается не человек, а раздражённый терминатор, выгибая металл от себя, бомбила кинулся бежать в поля! Сказать, что Джэк был зол и озадачен, это ничего не сказать. Патрик бежал босиком сквозь кукурузу, как комбайн во время уборки урожая. Когда ошалевший дальнобой был настигнут, он тут же признал свою вину...

Ещё Вова «не замечал» поезда, но это длинная история...

Или вот, когда *среднегипотетический* водитель аккуратно и внимательно, «но» оставлял своего железного коня в положенном на то месте, где есть разметка и знак парковки, т.е. на стоянке, а затем, поделав свои дела, возвращался за своим транспортом, то его ждал сюрприз в виде неожиданно подпирающей его тачки Вовы! Нет смысла вдаваться в детали. Пусть пустующая территория стоянки перед гипермаркетом была свободна, оставляй транспорт, где хочется, «но» Вова бросал свою фурию исключительно наперекор палате мер и весов. Его супермобиль физически стоял так, что этот и два других водителя, ну не могли выехать. Это тот самый обкатанный случай, когда ещё теплится надежда на

номер мобильного под стеклом. Но только не под лобовым Патрика. Вова мыслил стратегически «только о себе!». Естественно, переустановить убеждения Джэка было невозможно, ведь вокруг него обитали «спортсмены» и «ханьги».

Однако, если неизвестно кто, упаси и помилуй, подопрёт или прижмёт «Короля Артура!», то тут же превратится в жертву банкета. Незамедлительно «дичь» получала в хлебало! Владимир даже не внимал этой демагогии заблудшего невежи... Он не выносил эту нуднятину, «если бы да кабы» и про грибы – Альберт решал: егозящее бельмо обычно бралось за нос или ухо, а потом оно обучалось вокалу и правилам. Владимир сам наказывает и сам так делает... Я бы сказал, «что Джэк боролся за то, чтобы только самому так делать!». Робин Гуд современности. Это как попал, только на оборот...

И вот, в тот нетипичный вечер, назовём его «Ночь “Х”», мы форсировано прикатали домой. Если обмолвиться и уточнить, почему «форсировано», то «рядовой Джошуа» – так иногда называл Владимира Андрей – не просто либо обыденно водил кабриолет, скорее, он сражался за рулём. Да, и про «кабриолет» я не ошибся, после фуры этот транспорт некоторое время был кабриолет. Местечковые войны на светофорах, пешеходных переходах, бодание с машинами депутатов затрагивали незыблемые ценности «рядового Джошуа». Пилотирование болидом для Патрика было не только смыслом жизни, а даже чем-то боль-

ше! «На зло!», именно «На зло!», конечно, Вова мог ехать и десять километров в час, собрав за собой многокилометровую пробку. Его машина – это был священный храм! Без пафоса и привирания это было так! Эргономика этого таза была по феншую! В девять–девять, всё было прекрасно и великолепно. Нельзя обыграть словесно, как холил и лелеял свою ласточку Вовик. Он натирал панель воском до горения или изнеможения. Салон соблазнял креслами, простроченными в чёрную толстую строчку. Везде, где только можно было, присутствовала декоративная алькантара. Этим материалом было отделано максимальное число деталей салона. Мягкие красные матерчатые коврики с выгравированными инициалами Владимира подчёркивали, «чья это мечта». Белоснежные накидки из овечьей шерсти на передних сидения, окаймлённые бежевым песцовым мехом, делали авто уютным и тёплым. Дополнял эффектностью этот болид восхитительный по цене и по качеству автомагнитофон «Пионер». Чёрный кожаный руль с золотистой каймой нравился Вова и на ощупь и на вид. Джэк любил глазами, но больше любил сообразительных... Коробка передач с рукояткой в виде раскрывшего пасть льва подчёркивала характер «Падре» – так опять же называл Вовчика Андрей. «Святой Альбэрт» мог сильно расстроиться, если спутник в его духовном жилище будет ехать в грязной обуви! Джэк отслеживал поведение любого, кто по тем или иным причинам оказывался его попутчиком.

Но, отступая от пролога, в скверные часы скуки и «нудистики» «Падре» мог отступить от ветхозаветных правил и, покурив в машине, затушить бычок об панель или о сиденье. Как бы делая себе больно. И злился ещё больше. В такие тревожные минуты сохранялась необходимость избегать контактов с «одарённо–бьющим» Вовой.

Поэтому в «Ночь “X” я молча и очень аккуратно–бережно высунул ноги, чтобы ни в коем случае не задеть, а что ещё хуже испачкать или поцарапать порожек, побрёл в квартиру. Джэк же экспрессивно выскочил из «бибики», накинул кожанку с песцовым и лоснящимся мехом на капюшоне, утеплёно поджал плечи и также направился вслед за мной.

В этот раз упрямый крепыш пребывал в плохом настроении из–за невероятной проблематики, которая звучала как «несправедливость мира». Ему снова на шоссе встретились люди, которые помешали. Их на этот раз было немного, а точнее, для «Гастелло наоборот» все автолюбители были помехой... В зависимости от времени и места. Поэтому после энерго–расходного денька Вован решил заняться своим любимым делом, так сказать поразвлечься, и поэтому лёг спать. Понятно, что у кавалера «ордена за потуги» были обязанности и много реальных дел. Сейчас ему хотя бы нужно было покормить меня или выбросить четыре полных пакета мусора. На крайняк, ему нужно было к завтрашнему обеду написать курсовую. Ну *курсац* ладно, это так, частности, какой–нибудь неопределённый и брюзжащий батан завтра в

сжатые сроки накатает. Но вот не накормить меня!!! Это очень бесило! Хоть бутер там! Ветчина, хлеб, сыр, лист салата, майонез! Всё! Готово! Но Вовик усердно давил на массу! Без всякого сомнения, он то думал, что подремлет чуток, а потом сделает. Но обычно он просыпается и даже не заморачивается о прошлых или минувших делах. Одна из его любимых поговорок – «Работа не волк, в лес не убежит». Почему-то он видел в ней глубочайший смысл. Вова не любил надрываться. И поэтому другая поговорка «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня!» его аж корёжила своей испорченной логикой. Ведь слова «позже», «потом» насыщали смыслом Вовины взгляды на жизнь...

Однажды я узрел, как он спросонья ответил на звонок по громкой связи. Ему позвонил какой-то неопытный знакомый в полпервого дня и на позитиве воскликнул:

– Привет, Вов!!!

– Угу – противно выдавил «Святой Патрик».

– Вов, что вчера делал?! – весело и задорно, испытывая свою судьбу, интересовался не слишком близкий друг.

– Спал... – очевидно, без всякого сомнения, «Аббат» – это был сценический псевдоним Вовы в раннем возрасте, когда он играл в ТЮЗе – вообще не понимал, кто с ним разговаривает. Ему, скорее всего, мерещилось это мужское сопрано. Казалось, что Морфей балуется с его неполным пробуждением, а он просто продолжает спать.

– Вов, а что будешь сегодня делать?!

– Доделывать... – после этого ответа сквозь слипшиеся и заспанные глаза Вовик клацнул на отбой вызова и продолжал «доделывать».

Но сегодняшняя «Ночь “X”» была особенной! Пока «Аббат» доделывал, я пил кофе на застеклённом балконе. Маленькому мне сторого– настрого запрещали пить кофе, но сейчас контролировать меня было некому, поэтому, заручившись отключённой гримасой Вовы, я наслаждался крепким напитком без молока... Вдруг неизвестный разнёс боковое стекло автомобиля Джэка. Буквально за полминуты «Аббата» насунули на мафон. Рассеяно я бежал в покои «Святого Патрика». Естественно, я переживал и боялся, мне было страшно будить Джошуа! Кто его знает, перепутает соню или ещё чё... Пробуждать Альберта ни в коем случае было нельзя... Ведь он дрых, как младенец... Также глубоко и беззаботно. Всё плохое в этот тихий час покидало его. Да ещё его носки, которые он ставил к батарее, придавали опочивальне шарма и галлюцинаций. И тут я запрыгнул на «ипподром». Так почему–то называл свою кровать Вова, ну и друзьям он рассказывал про какие–то скачки и лошадей. Потолкав его ногой, приблизительно в область туловища, услышал последовавшую реакцию.

– Уратмир – глухо, сердито и басом, больше через нос, произнёс рассерженный Вова. – Пшёл вон отсюда! – очевидно, любя, немного гундя, и экспрессивно волнительно произнёс Джэк.

– Вовь, у тебя магнитёлу подырезали!

В таком состоянии, пребывая в ласковой келье, импозантный мужчина мог осмыслить только районную лексику.

– Гадём будю! – продолжал шарашить аргументами я. Вова же уже слушал меня лицом, а не тыльной стороной головы, как обычно.

В его неподражаемой мимике прочитывалось недоумение. Затем он вскочил на ноги, прежде истерично избавившись от одеяла. Я ожидал действий... Последние химические реакции сконфигурировали непорядочную картину, которая заставила Володю вскипеть. В широченных трусах и в неснятой рубашке в кубик он выскочил на улицу! Я за ним! Обнаруженное заставило его засучить помятые рукава. Даже не представляю, что было бы, если нарколога, свистнувший магнитолау, замешкался и остался в машине. Вова, скрипя зубами, охарактеризовал это так: «Животное царство!». «Цитаты великих людей» – подметил я.

Салон был изгажен и обделан. Будто спецом, аноним совершил хищение по пособию, как не надо это делать. Складывалось впечатление, что кислотник справил там нужду... А в роли туалетной бумаги выступили мягкие телячьи накладки сидений. Сто пудово, любитель штурмовать Клару, по совместительству Вова, – *примечание: «Клара» это такая отвесная улица с невероятным градусом подъёма*, – когда камни с неба, ураган и корка льда по поверхности, жаждал осуществить свое слепое правосудие. Фемида в его авантю-

ном лице уже вынесла приговор: «Усыпить собаку, однозначно!».

Придворовой квартал и внутренний двор многоэтажек накрыл невероятный звуковой штиль. Несвойственная поразительная тишь даже настораживала. Только лишь разнесённое в клочья стекло и небрежно раскуроченная панель авто навевали тоску. Странно и то, что никто не вызвал милицию. Ведь машина была на сигнализации и орала она ночью неслабо. Опять—таки, сосед с третьего, чуткость к любым звукам которого не поддавалась объяснению, ехидно и без палева тарасился на удручённого Вовчика из—за занавески своего окна. Вовчан кожей чувствовал, как весь район и соседи довольно разливаются разосланной по своим лицам улыбкой. Почему—то даже дворовые собаки не гавкали, а мирно дремали возле мусорных урн. В этот скорбный час Джэк подзревал всех. Траурная месса могла выпасть любому: от заикающегося соседа с третьего, который гипотетически мог стоять на стрёме, до очкариуса из лифта, которого Вован, естественно платно, научил не ездить на лифте с первого на второй этаж, и не важно, что батан был астматиком аутистом.

Вова искал того нарика. Опять сработала логика Джэка. Он искал того, кто уже пытался его кинуть. И нашёл! Пусть в этот раз это был точно не он. Но магнитофон Вове «Злачный», перепуганный от новой встречи, всё—таки вернул... Ведь в Володиных глазах он увидел склонность к разврату над жертвой... Осуждённый без доказательств «Эфедрин-

щик» потом ещё целый месяц мыл Вова транспорт в виде компенсации за то, чего он не делал...

Схематично таких историй было несчётное количество. Их можно рассказывать ещё короче. Вова. Ночь. Односторонняя внутриворобовая дорога. Джек упёрся своим капотом в чужой капот. Со стороны это напоминает двух баранов на узком мосту. Но есть одно «НО». Альбэрт встретил на своём пути «Козла!». Ведь, напоминаю, вокруг, по его мнению, был зверинец. Держа руль двумя напряжёнными руками, моргая, сигналивая, оскорбляя, Джек пытается образумить «офонаревшего ублюдка!» и сдать назад. Но, опять это «НО!». Типело ложно оценивает свои возможности и неосторожно выскакивает из авто с обоюдными оскорблениями в адрес «святого Патрика», то есть, превращаясь в проблему для Вованидзе! А затем сама суть дилеммы: «визуально Вова оценивает его как коротышку, а это означает форсирование диалога и переход к накидыванию в бубен!» Конец рассказу! Конец кретину! Лучше бы он отъехал, а так чуть не отъехал в другой мир! Хочу заметить, что слова «ублюдок, ты решил на меня лезть, кретин и козёл» и другое принадлежали Вова. Но, опять это «НО». Джек употреблял их в обратной последовательности, в унисон с обострением ситуации. И сугубо после неаккуратных, провокационных и недостоверных обвинений «недоноска» в интимных пристрастиях Вовы к другим мужчинам...

Краткость – сестра таланта, поэтому ещё одна история.

Культурное мероприятие. Балл. Присутствие Джэка. Активный танцор. Вова считал, что мужчины не танцуют. Всё, триндец чуваку!

В мои нахлынувшие воспоминания, наконец, вмешался Дракон, который оторвал меня от малышности и забросил немного вперёд, но со своим корыстным умыслом.

– Уратмир, мне очень хочется напомнить тебе ещё один случай... Который ты старательно забыл. Важность той ситуации не переоценить как для тебя, так и для меня. Это был тот самый день, когда ты, храбрый и мужественный парень, почти восемнадцати лет, не выдержал. Ты не смог справиться с трудными обстоятельствами. Это тот опыт, из которого ты не вынес полезных выводов. Испугавшись самого себя, затаив обиду, ты капризно фыркнул на ценности, за которые не стал сражаться...

Очень интригующее начало от Дракона. Мне не верилось ни одному его слову. Я то знал, что категорически не отступал от сложностей. И тем более, обижаться было не в моих правилах. С чем мне не удалось справиться? Перебрав всю свою жизнь, я не смог обнаружить минимальных симптомов тех крамольных слов Дракона. Я из всего выходил с достоинством. Всегда помогал слабым и беспомощным. Но этот услужливый взгляд Дракона таил в себе разноречивую каверзность... Я в себе возмущался!

Потихоньку окружающее пространство меняло пейзажи. Мы очутились на физкультурной школьной площадке сосед-

ней школы. Промозглая погода наперебой с ливнем освежили мою память. Взглянув по сторонам, потом на Дракона, который по-прежнему ценно блял улыбкой, я увидел, как яркий свет фар спортивного мотоцикла сквозь дождь светит прямо на нас. Сквозь стену воды этот спортивный байк двигался к гимнастическим снарядам. Ветер поутих, а синий, с диодными огнями мотоцикл, порывивая от кубов резвого мотора, не спеша подкатил к турникам и брускам. Это был я! Но ясности происходящему ещё не было.

– Уратмир, припоминаешь, это твой японский байк. Дядя Вова привёз его тебе, выписав прям с завода страны восходящего солнца. Он был твоей мечтой. Конечно, не вполне законно кататься на трехсотсильном коне в твоём возрасте, но ты аккуратно ездил на нём дворами. Заметь, без прав. А-я-я-й-й!

В том прошлом моей радости не было предела. Этот агрегат был уникальным в то время. Ему воспевали дифирамбы. Два глушителя и сердитый звук никого не оставляли равнодушным.

Потихоньку, на площадке, где природа была не в себе, климат сменялся умиротворённым слепым дождём, а разверзнувшиеся сизые небеса рассекались лучами яркого солнца. От моего мотоцикла шла испарина. С виду я был крутым, наверное. В том то и дело, что я не был незначительным нарциссом.

– Восхищаюсь тобой, Уратмир! Любая погода или непого-

да никогда не останавливала тебя... Ты приехал заниматься по расписанию... Это был праздник «Народного единства», а ты шёл тренироваться...

В действительности, сам поражаюсь своей упёртой целеустремлённости... Но, наблюдая за мотивирующим собой, выполняющим упражнения на большую часть мышц груди и дельт, плюс напитываясь энергетикой, мне сквозь улучшение погоды вспоминался дальнейший ход вещей.

– Вот она, Уратмир! Нежная милашка в кремово–розовом платье... С пушистыми бантиками и двумя игривыми кошечками. Вприпрыжку, обступая тёплые лужи, приближается к тебе...

Она! Я забыл её! Юля! Это была Юля! Милейшее создание. Девочка, которая похитила мои грёзы. С первого взгляда она ошарашила меня притягательностью своих зелёных глаз. Лёгкая, смешная, красивая выпускница соседней школы, одиннадцатого «Л» класса... Как я мог забыть эти сладострастные переживания, охватившие меня в этом дворе. Она бежит именно ко мне... Смотря на неё сейчас, ощущал приятную теплоту... Неподдельную радость и близость... Она была ещё и спортсменкой, играла в волейбол за свою школу. Мои эмоции не нуждались в проверке...

– Уратмир, сейчас ты впервые её встретишь... Давай посмотрим...

– Оу, парень привет!.. Я экспрессивно мотылялся на снаряде, делая твёрдые подьёмы с переворотом.

– Парень! Прости! Э–э–й!

Опять включился Дракон. Его прям подбивало подстегнуть словесно эту ситуацию.

– Уратмир! Ты слишком собран. Такая молодая, в платье, похожем на сарафан, девушка пытается до тебя докричаться, а ты, не отвлекаясь, доделываешь свой подход. Победитель, герой, крепкий, как камень! Уверенный, но близорукый... Эта приталенная майка тебе шла... Кстати, где она. Открою секрет, такие вещи на прокаченном и скромном тебе нравятся противоположному полу! Но, знаю, знаю, ты всегда собран и вежлив. Тебе главное – душа, ум и какой человек... А эта девушка назло тебе умна, красива, также уверена и ко всем достоинствам храбра...

Вот, я важно спрыгнул с турника и обернулся... И распахнулись облака... Мои брови немного сдвинулись, а скулы задёргались...

– Смотри, Уратмир, как ты одурел от увиденной прелестной чародейки. Она вопросительно, из–под лилового зонта уставилась на опешившего тебя...

Я мгновенно открыл свой багаж воспоминаний, который воспалил мои раны. Тогда цвели ромашки, их было в обилии. А их запах навечно связал меня с Юлей.

– Эй, парень, ты нормальный?! Мне нужна помощь? – девушка снова обратилась ко мне.

– Я нормально, как ты? – что я нёс. Как восьмиклассник школяр...

– Странно... Я то нормально... Помоги нам шкаф и две тумбочки перенести из библиотеки в классный кабинет...

– Уратмир, посмотри на себя, ты подвисаешь, как заражённый вирусом комп... – в унисон моему словесному торжовению подпевал Дракон.

– Я, помочь?!

– Да, ты! Сегодня праздник. Занятия отменили. Некому помочь... Мы с подружкой и классной не справимся... Тебя с окна увидела подруга... Поможешь, а мы тебя чаем угостим потом?

– Ой, тормоз!!! Ой, Уратмир! Что ты со мной делаешь... – Дракон простёбывал меня с ног до головы. Моя нерасторопность и эмоциональная прижимистость сильно его радовала.

– Я, да... Не вопрос... Что нужно?

«Ой, дурак...» – это уже думал я про себя.

– Ты меня слышишь вообще, парень? Ты не глухой? – спросила Юля.

– Нет, я нормальный...

«Ой, дурак...» – опять подумал я о себе...

– Идёшь? – переспросила Юля.

– Да...

Я ступал следом за обаятельной зазнобой шаг в шаг. Сначала по холлу, потом по переходу к библиотеке. Периодически кротко посматривая на сказочную школьницу. Солнечная, с аккуратными веснушками девушка освещала мне путь по камерным помещениям школы... Мне вульгарно хотелось

спросить её: «Откуда ты? Кто ты?». Эти безбрежные воспоминания, словно штормовые волны, накрыли меня с головой. Дракон вскрыл то, о чём я хотел позабыть...

– Уратмир, вспомнил, наконец? Фатальная красавица! Под стать тебе и твоей юношеской прыти. «Вас столкнули небеса...» – так сказали бы люди... Твой задорный нрав и горделивость встретили сопоставимую величину. Медалистка, победительница научных олимпиад, спортсменка, шикарная и позитивная девушка, знающая несколько иностранных языков, легко смяла твою уверенность в своей исключительности. Юля без оглядки стремилась вперёд... Ей не нужен был защитник... Ты встретил противоположность... Она задевала тебя за живое. Она, ласковая и естественная, приговорила тебя «смущаться»! Ты же, бьющий рекорды, красивый, фактурный, стильный от природы, мужественный парень забеспокоился, что она могла заподозрить тебя в неуверенной суете... Юля, словно пленительный контрабандист, пронесла в твои мысли незаконную и незадекларированную сказку своих впечатляющих глаз. С такой непринуждённой вальяжностью красавица смогла преодолеть грубые таможенные препоны широты твоих взглядов.

Мне показали мебель, подлежащую перемещению в другой корпус. Этот шкаф был похож на научно-технические компоненты для создания оружия массового поражения. Короче, он был нетипичный и сложный для переноса. Я знал себя, и видел, как художественный я стремился не преми-

нуть стечением обстоятельств и показать ей всё то, на что способно моё закалённое в схватках тело. Я надрывался, как мог. Но подлый шкаф–купе мёртво стоял на месте.

Дракон угорал, именно «угорал», от моих поползновений сдвинуть наглухо прибитый к полу и несущей стене шкаф...

– Уратмир, смотри, аж побелка отскакивает от твоих усилий. Нет, ну сейчас ты бы оторвал перекрытие и кусок стены, но тогда ты ещё не был «зрячим в мир», как сейчас. Победитель по жизни опростоволосился...

Только спустя несколько потных и энергозатратных минут, отринув грубую физическую силу, я опомнился и заглянул под шкаф. Запутанная история разрешилась...

– Ой, прости, парень! Я не знала, что он встроен в конструкцию строения... – смущённо, болея за тебя в бескомпромиссной зарубе с мебелью, произнесла Юля.

– У вас есть шуруповёрт и пассатижи? – слегка сбросив со своих плеч сумятицу мыслительных терзаний, сказал я.

Обнаружив, что зафиксированный шкаф не перемещался по обстоятельствам, напрямую не связанным с моей хилостью, то моему выдоху сопутствовало моральное облегчение. Я не обанкротился, мой баланс по–прежнему был где–то между разиней или растяпой.

– Уратмир, она лишила тебя свободы, но тебе это нравилось... Ты был готов на каторжный труд ради оборотов часовых стрелок с её присутствием.

– Да, – подтвердила Юлия.

Преднамеренно или нет, но я возюкался с этой мебелью по-взрослому долго. Но параллельная болтовня с дивной Юлей перебивала утомительные сложности. Диалог переплетался пониманием, вниманием и улыбками и это добавляло нам совместимости... В беседе отсутствовал фальшь. Она не была фиктивной как снаружи, так и внутри... Тогда выяснилось, что мы знали одних и тех же людей... Целых восемь лет мы жили с общими знакомыми и друзьями. Даже местоположение наших домов разнилось двумя кварталами. Но узнали друг друга из-за тумбочек и шкафа. Наконец, мебель эпохи Коминтерна поддалась. Пыльный и чумазый я, наконец, осилил переброску, а затем предложил «достоянию ЮНЕСКО» подвезти её домой. Вежливая и услужливая Юля не смогла отказать истерзанному парню.

Как такое могло случиться, что познакомились мы только сейчас? Где мы оба обитали эти режимные годы? Злоупотребляя предусмотрительностью, мы думали о будущей карьере и месте в жизни... Пропуская нас мимо умысла на счастье. Это почти так же, как Джек мог позволить пропустить мимо ушей, но не мог позволить не ответить в подбородок... Выяснилось, что даже наши «предки» были знакомы.

– Уратмир, ты домчал её домой столь активно, что казалось, ты ведёшь погоню за нарушителем. Хотя сам ездил без водительских. Ну, на усмотрение суда. Запах гари, стёртой резины об асфальт остановил вас возле её двора. Чудесная Юлия захватила тебя в заложники. Несколько дней спустя,

беззаботные и счастливые, вы наслаждались обоюдным обществом. Чудная и притягательная, с лукавым блеском глубоких глаз девчушка проводила с тобой день за днём... Комфортность в её присутствии принуждала тебя открываться ей... Её эрудированность сглаживала любые неловкие моменты, попадавшие на совместном пути. Приличие и такт пахнувшего цветка подсказывали тебе о неземном происхождении этого стройного ангела. Всё между вами укладывалось в литературную аллегория невероятной любви и счастья. Но ты был «тормозом». Заведомо, ты обитал в зоне своего комфорта, а столь волшебные встречи с ней не выходили за рамки приятельских. Уже зная друг друга, вы даже встретились на свадебном банкете общего знакомого ваших отцов. Ты обучил её пылать. А превосходная чудачка с сабельным взглядом дала тебе безмятежность. Ты не выказывал никаких сообщений или сигналов к переходу на новый уровень. Даже поцелуйчики приравнивались тобой к бандитизму.

Однажды мы прогуливались вокруг тихого прудика нашего зелёного и цветущего города. Медленно, насыщаясь общим великолепием картинного природно-антропогенного объекта. Два шикарных лебедя кружились в середине этого обводнённого места. Я приехал туда бегать, а она приехала ко мне. Я, и правда, был «краном!», как подмечал Дракон. Она была на высоких каблуках, в сногшибательном облегающем чёрном платье. Тонкий аромат её парфюма дурманил

запахом лилии. Волосы были объёмны и пышны, с мелированными в золотой цвет краями. Она миловала меня своей красотой. Её устойчивый образ будто что-то пытался мне сказать... Я же был одет в кроссовки, спортивные штаны, болоньевую куртку до колен, с капюшоном, с широким шарфом в виде маски на нос. Наверное, когда я увидел её, мне стало приятно, а когда она увидела меня, ей стало не по себе. Свежая и бодрая Юля тогда не подала ни малейшего капризного знака. Мы шли вокруг неопишуемого озера, лежащего в лесопарковой зоне города.

– Юль, я навсегда запомню, как ты смущалась, говоря тост на свадебном празднике. Ты чуть не заплакала. Твои глаза намокли тогда, а в голосе чувствовалась дрожь, – я припомнил ей милейший момент, сразивший меня до глубины души, когда собранная умница так трогательно расчувствовалась, говоря приятные слова и пожелания.

– Уратмир, прекрати! Забудь это...

Она толкнула меня несколько раз в плечо. Но при этом красноречивая девушка так же скромно прятала глаза.

– Эй, не раскисай, бедняжка?! Мне очень понравился этот момент...

– Сам ты бедняжка, Уратмир...

Я уже неплохо понимал её мысли. Она не хотела проявлять слабость и быть обузой.

В эпизод снова вмешался Дракон со своей ремаркой:

– Уратмир, обворожительная, да просто обалденная де-

вушка, ждущая взаимности, стерпевшая твой тренировочный наряд, получила в итоге твоё: «Ладно, Юль, нам пора прощаться. Я побежал!». Горжусь тобой!!! «Гуд!» – «”Гуд” – он сказал хорошо» – перевёл бы это слово Вованище...

– Храбрец! Ты на феназипаме был что ли... Вот, приоткрою занавес тайны, скажу тебе, что, как только ты отвернулся от неё и побежал, она в захлёб рыдала... Уратмир, ты неотёсанный болван и хулиган.

Я не знал об этом... Я не думал, что это так её ранило... Мне хотелось крикнуть этому полудурку в треньке: «Остановись! Оглянись!». Но мне отчётливо вспоминалось, что не я был донором нашего рухнувшего счастья.

– Да, Уратмир, конечно, не ты! – Дракон знал всё, о чём я думаю...

– Пойдём, посмотрим в этот день, расколовший твоё сердце на осколки. Побудем очевидцами деяния...

Наконец, я решился открыть свои созревшие чувства Юле. Искупавшись и вылив на себя поочередно все шампуни, дополнительно израсходовав на себя два куса душистого и ароматного мыла, я был готов. Надев рубашку, застегнув пуговицы, дополнив образ варёными серыми джинсами, я прыгнул на мотоцикл и отправился к школе Юли. Попутно заехав купить букет жёлтых тюльпанов. Запоминающийся момент жизни... Я хотел признаться! Высказаться! Позвать её за собой! Наконец, поцеловать...

Но, подъехав к школе с охапкой цветов, я сокрушился от

прилетевшего зрелища....

– Уратмир! Вот! Вот! Даже став старше, ваши лица всё равно совпадают. Только лицо сейчас у тебя помоложе выглядит, от возраста, наверное, – Дракон подбивал дать ему в морду.

Юля, расплывшись в улыбке, шла под ручку с Баксом, к его мэрсу. Меня трясло так же, как раньше. Я был синим от того, что забыл дышать. Содрогаясь от боли, я выронил букет... Пальцы побелели и похолодели. Головой понимал, что нужно выдохнуть, но не мог...

– Уратмир, вот это драма! У вас фэйсы прям похожи... Ты до сих пор злишься?!

Тогда, в этот скорбный час, лето сменилось сковывающей стужей. Нервы натянулись как тетива лука. Весенняя Юля навсегда вбила в меня осиновый кол. Вот, о какой занозе трезвонил Дракон... Время ни хрена не лечит... Я фантазировал наш белый танец, несколько уютных вечеров, но теперь грёзы ссыпались в урну... Неверная – это прилагательное вперемешку с оскомой в белоснежных зубах остеклили мои глаза... Растоптанный номер первый! Растерзанный простейшей лирической ситуацией, безвольно остывая от ярости, я опустошённо всматривался в цирковую ситуацию.

Галантный и пушистый Бакс, кружась и бегло отбивая чечётку вокруг чудесной Юли, усадил её в свое натёртое до блеска авто. Она щенячьи обнимаясь, разместилась в краси-

вом транспорте, в кавычках бастарда Вовы. Моя воспалившаяся фантазия рисовала другую трагическую содержательность этой пьесы... Бакс был похож на кощея, пленившего Василису Премудрую! Всё равно, было не легче, по-весеннему так противенько... Как-то даже наречий не хватало, оправдать или спросить себя: «Как меня занесло в эту трогательную мелодраму?». Первые минуты я, естественно, сгоряча или сдуру раскис, отринув любой энтузиазм. Техногенная трагедия неразделённой любви умышлено сформировала для меня пул вариативных словосочетаний происходящего: «Известны её секреты. Почему я не смог спросить её? Настежь дверь и плавно вон. Уходи к нему! Уходи! Пусто в сердце. Я сгораю в чертоге адских печей... Обман. Обман! Обратно, не видеть, не слышать, не знать её имя! Всё тело щиплет от её противной лжи. Настолько обожать время с ней! Я не понимал, что творится. В спину нож! Она обнимает не меня. Она превращалась в чужую. Как такое могло случиться? Зачем скрывать, улыбаясь скрывать. Не хочу признавать... Я не хуже его... Прощай навсегда...».

– Уратмир, ты всё думаешь, как она ошибается. Ведь ты знал этого коршуна, друга своего дяди Джэка. Они были бабниками... Бесчувственные и чёрствые охотники за юбками. Как она попала на удочку этого павлина? До сих пор размышляешь, а?

Я мечтал ей понравиться! Мечтал о взаимности и близости...

Они тронулись, плескаясь в сочных и веселящих беседах. Она сокровенная, моя идеальная, почему так? Остатки разума и безволие от утери неслучившегося поцелуя толкали меня ехать за ними. Мимоза или тюльпаны, хрен их разберёт, я не был флористом, попрощались с достижением адресата, растрёпано валясь на брусчатке. Держась поодаль, сходя с ума, слов не находя, оказался, наверное, попросту другом?

До позднего вечера я стоял на улице возле романтического кафе, где Бакс делал и говорил то, что обязан был делать я! Снаружи, за огромной стеклянной витриной, ждал я! Снаружи, взирая на свидание с обилием радости и счастья между ними. Было трудно усваивать такую подлость.

– Уратмир, да ты был мазохистом... Поражаюсь людям и их самоотверженному желанию страдать... – Дракон был неумолим... Обратная сторона похвалы снова колко вырезала мне дежурную печаль...

Смотря со стороны, я умоляю её не верить ему. Желанная, ненаглядная, ласковая, наперебой синонимы описывали мне милую Юлю. Обездоленный и обессиленный, я понимал, что во веки вечные уже не узнаю, как могло быть здорово и празднично проводить время с нежной Юлей...

Подошёл тот час, которого я так бесконечно ожидал. Серебристый вечер тактично завершил это коварное свидание. Дождавшись окончания горько бьющей в самое сердце встречи, я, наконец, посмотрел ей в глаза. В тот самый миг, когда они под ручку выпорхнули из проверенного ресторана.

Обходительный Бакс отлажено, в своём стиле, придерживая Юлю за талию, вышел на улицу. А там я! Заметив меня, райская парочка рассоединилась, и ухажёр направился к мумифицированному мне, поздороваться.

– О–о–о... малой! Ты что тут? Ждёшь кого? – ему было невдомёк, что тут на самом деле происходит. И насколько натянута обстановка...

– Привет... – аморфно промямлил я...

Я не знал, что ему сказать. Обеззубить его прямо сейчас было бы как–то неправильно. Основания какие? Включить Вову, но такие штуки может выполнять только оригинал... Но я думал не об ответе Баксу, а о плачущей Юле. Почему она плакала? Смотрит и плачет... Сохранила тепло что ли? Я захотел повернуть время вспять... «Милашка, ты же не такая, как все его безликие стилияжки?» – про себя, в направлении необыкновенной и трогательной старшеклассницы говорил я. Она накрепко зацепила мои чувства... Этим вечером Юля забрала у меня всё... Её безутешное и разочарованное лицо провожало «близкого ей меня» в обещанное расставание.

Бакс увидел иступление и слезинки первозданной Юли. Он был смекалистый паренёк и поверить в резкое безосновательное ухудшение настроения своей партнёрши не мог. Я повернул голову, вдоль основной дороги заметил мелькающего многофункционального Вована. На соседней стороне улицы, метрах в пятидесяти, на моё счастье, находился Дж-

эк. Между делом, Патрик какому-то выцепленному незнакомцу продавал кирпич возле сервиса обслуживания авто. Альбэрт частенько занимался там апгрейдом своей четырёхколёсной бестии...

– Бакс, да я к Вове приехал... Вон он! – надежды на то, что пронизательный фазан поверит мне, уже не было. Его зацепила эта неоднозначная ситуация, здесь уже вмешалась его кровожадная натура. Отпустить эту оскорбительную ситуацию, ему не позволяла статистика покорённых женских сердец. А тут обстановка люкс! Лирика остросюжетного любовного треугольника...

– К Вове? А-а-а-а... Ну давай, ладно... – самопровозгласивший себя главой прайда усмехнулся, и как будто специально крепко взял Юлю за руку и отправился прогуливаться...

– Какие варианты, Уратмир? Ты, склонив голову, побрёл к дяде... – подытожил Дракон.

– Что тебе было нужно, Уратмир? Очаровательная девушка превратилась в ядовитую лгунью? Или как? Оглядываясь, ты видел навзрыд хлюпающую Юлю. Что это могло значить? – продлевал ход моих суждений Дракон.

Я, омрачённый, сближался с «рядовым Джошуа». Дядя просматривал любимые видосики на планшете, популярных стримеров. Особенно ему нравились видео, где популярный видеоблогер совершает изнасилования для того, чтобы снять обучающий и информативный ролик «Как входить в хату,

чтобы не опустили!»! Или просматривать прямую трансляцию из «хаты» «Как опустить популярного блогера, заезжающего к ним, по беспонтовой статье!».

– О–о! Мелкий, ты что тут трёшься?

– Я, так! За хлебом выходил, – вяло, без доли оптимизма смолвил я...

Вова ненавидел уныние, а моя меланхоличная физиономия не вызывала в нём интереса продолжить уточнять у меня: «Зачем, почему здесь?». Тем более у него своевременно для меня возникли дела в виде нелегального продавца деталей из СТО. Мне не очень была интересна эта типичная ситуация. Но, бузивший и буксующий торгаш гаек и болтов, наверное, всунул Вовчику не те запчасти, или вроде того, а затем попытался пренебрежительно выехать на враждебности и психической активности. Последним слово немытого и в мазуте перекупа стало: «Братан! Слышишь!». Вова не был ему Братаном! Патрик был садистом! И поэтому скупщик смутьян из вертикального положения визуализации интерфейса горизонта, повалившись лобной долей в сторону фронтального восприятия бордюра, создал экспозицию «Клиника, кома, утка, капельница, бинты, рвота, тошнота, головная боль, заторможенность, реабилитация, Джек трогательно посещает его с апельсинами и конфетами, дабы избежать заявы». Очередной намотал слюни на кулак! Каноничный дурак! Мне было не интересно, поэтому я побрёл к своему бензиновому другу.

– Уратмир, но ты пытал какие-то ложные надежды, которые двигали тебя за воркующей парой. Чего ты хотел добиться, так очевидно преследуя их. Хотел упиваться Юлиным смятением и стеснением. Ты ехал два километра в час, ровно за ними, до самого парка. Хотел доказать Баксу свою крутость? Или наглость? Ты действовал как животное, выпячивая себя...

Они зашли в парк, а я закатил туда на бензиновом байке. Борзо прокатываясь по алее, переливающейся разноцветными гирляндами, между немногочисленных отдыхающих.

– Вспоминай, Уратмир, сейчас произойдёт нечто грандиозное?!

Дракон говорил истинную правду. Как я мог запомнить такие события.

– Уратмир, ты увидел, как эти двое подошли к кассе на колесо обозрение, которое установили в зелёном массиве культурного отдыха. Ты спрыгнул с мотоцикла и бросился за ними. Кабинки были открытыми на четыре места. Не успели они взять билет, как ты уже отдавал купюру кассиру. Не дожидаясь сдачи, ты рванул вслед. Ты не хотел, чтобы они целовались? Что тобой двигало? А? Зачем ты сел рядом? Зачем заплатил крупными, за сто оборотов сразу? Неужели у тебя так свербело? Вы все сидели молча. Колесо очень медленно двигалось вверх. Ты раскинул руки в обе стороны, делая дурацкий вид, что банально наслаждаешься раскинутым парком индустрии развлечений, городскими кварта-

лами.

Помню эту неуютную тишину. Бакс, сволочь, крепко обнимал Юлю! Она была похожа на камбалу. Я хотел тогда, чтобы всем было мерзко, как и мне. Почему я один страдал? Вот вместе испытывать дискомфорт, это да! Прихвостень дяди бесился, как цирковой пудель.

– Уратмир, как только вы добрались до пика, произошло это!

Внезапное землетрясение, балов семь–восемь. Помню, как нас потрянуло. Мы были напуганы до потери сознания. Колесо остановилось.

– Для вашего региона землетрясение не такая уже и редкость. Только подлые предприниматели приобрели карусель, не рассчитанную на подобные сейсмотолчки. Она была слишком большой и громоздкой. Взгляни, как ты испуган. На любовной парочке вообще лица нет. Через пару спокойных мгновений произошёл громкий металлический скрежет. Внизу вспыхнул пожар. Загорелась будка, где был двигатель. Центральная металлическая часть, державшая всю конструкцию, надломилась в нескольких местах, а двигатель продолжал продавливать её вперёд. Оставалось совсем мало времени до того, как оставшиеся железные балки надломятся и колесо, продавливаемое мотором, покатится по живописной аллее. Ты резко посмотрел вниз, где, задыхаясь от гари, стоял бестолковый кассир. Этот молодой парень вряд ли бы смог понять и остановить двигатель этого адского ат-

тракциона.

Помню, как внизу собиралась толпа зевак с телефонами и галдежом. Они стояли прямо под нависающим колесом. Юля плакала, а я смотрел вниз и искал, где находится питание для этого колеса. Скрежет и шум от давления на опорную конструкцию нарастали.

– Уратмир, ты бросился вниз! Ну не зря что ли ты подтягивался за раз сотню. По стыкующим трубам ты спускался вниз. Смотри, какие огромные и недопонимающие у тебя глаза? Один раз у тебя даже нога соскользнула и ты оказался на грани падения. Колесо трясло уже, как в судороге. Добравшись вниз, ты выбил аварийное стекло, за которым был внушительный пожарный топор с деревянной рукоятью, а потом ты сообразил ударить по двум высоковольтным проводам, подходящим к кабинке с мотором. Это остановило электродвигатель и отбросило тебя на пару метров. Плюс отрубил от питания полпарка. Дождавшись пожарных, которые сняли Юлю и Бакса, ты умчался домой. Но это не конец истории, как ты знаешь.

Руки даже сейчас тряслись от сделанного. Я в деталях вспомнил этот экстремальный отдых.

– Уратмир, осторожно. Ты был в опасности... Бакс был подленький приятель...

Мы с Драконом трансгрессировали в послезавтра, а именно в поздний вечер пятницы, где меня поджидала засада.

Помню, я дворами возвращался домой, а меня свистом,

одёрнули четыре бездельника. Крепыши были шаблонными гопарями того времени... Спортивная куртка, непонятной марки, руки по карманам, глаза, пеленгующие терпил.

– Свояк, как жизнь молодая? – с этой фразы начал свою отрепетированную роль громила.

Я вроде вообще не подходил на роль объекта взыскания ценного металла. Я не был в уггах и в обтягивающих штанах. Мой спортивный и подтянутый вид также не давал повода, стать верным средством для поднятия их настроения.

– Топайте отсюда, сёстры... – я не стал фамильярничать и лебезить, а сразу начал с места в карьер.

Это был гоп-стоп. Поэтому решать было необходимо сразу. Районные рифмоплёты были залётными, так как я знал всех, кто промышлял браконьерством у меня в квартале.

– Опа-Опа! Да ну нафиг! Чё, спортсмен? – ехидный проныра возобновлял свою тираду.

– Вы что ли актёры?! Вчера столичный цирк приехал. В газете писали, что клоуны перфоменс устраивают? – эти щеглы утомили меня, как только попались на пути. Тележить с этими босяками я не хотел... Да и не питал иллюзий к адекватному урегулированию.

– Бродяга, что так нескромно, а?! Утоли публику монетой... Жарко, в горле пересохло, хочется водички... – острый, вскрывающий содержание спич затягивался...

– Блудный сын, хреновый ты актёр и потуги твои страдальческие, без должного выражения, не тянут на Оскар...

– Здоровья хватит обработать сказанное, светлячок?

– Я здоровьеустойчивый!

Пришлось немного повозиться. Чеканутые были стойкими парнями. Они отважно сражались, но решили сдаться сразу же. Воткнув общительного вертикально в газон, а замешкавшегося нахохленного из группы поддержки достав нагой в челюсть, я заметил сверкающие пятки двух других халтурщиков. Банда распалась... Уматывали они как-то по естественному! Наверное, сработала мышечная память... Но, случайно локтем статист попал мне в глаз, чем вызвал его покраснение, а в дальнейшем побагровение.

Вдруг, у одного из прилѐгших зазвонил мобильный. Не знаю, что вызвало мой интерес, но я ответил.

– Алло, Пинчер. Ну что, как прошло?

Вот это поворот! Моему удивлению не было предела!

– Алло! Алло, Пинчер! Алло!

Организатором этой ролевой игры был Бакс. И номер его... Всё перемешалось в моей голове. Этот гений заказал этих оттопыренных? Шедевральный психопат!

Добравшись не без приключений до своего тихого дворика, я обнаружил «Святого Альбэрта», пребывающего в окрылённом расположении духа.

– Мелкий, «how are you?» – начинающий лингвист заговорил.

– Lousily, my dear friend... – я умудрился скривить жизненно утверждающую мину на лице. Плюс синяк...

Я собирался рассказать своему дяде мелодичную и бескрайнюю историю о себе и Юле, и о впутавшемся в эту скабрёзность Баксе.

– Уратмир, ты был ябедой! Рассказ и интерпретированная тобой подоплёка роли Бакса ухудшили общий фасон Джэка! Точно так же Патрик выглядел, когда ты, заливаясь слезами, предвзято наговаривал на Лёху и Стаса... – подметил царское стечение вражды и оговора Дракон...

В неустойчивого Альбэрта вселился дикарь. Моя убедительная проза углубила неадекватность «Неуловимого Джо»! Невымерший неандерталец зажимал губы от разочарования.

– Ах, ты–ж–ж грёбаный «Стрингер!»». Ну, упырь! – Джэк нырнул под сидение и достал травматический реквизит. Передёрнув затвор, он кинул его обратно. Складывалось впечатление, что у Альбэрта было в запасе много вариантов окончания жизни Бакса.

«Стрингером!» за глаза, измываясь, называли Бакса его близкие дружбаны. Дело в том, что однажды, случайно, в его квартире Вова обнаружил мужские стринги. Это событие стало отправной точкой назойливого стёба над Баксом. Используя её периодически, почём зря, кликуха кулуарно осела прозвищем Бакса. Мы прыгнули в тачку и отправились с Блэк Джэком на перехват заказчика.

– Уратмир, именно тогда Вова поведал тебе изобличающую истину подноготной Юли. Ты внимал ему с открытым

ртом. Патрик обливал её грязью, как мог. Он нёс всяческую порочащую информацию вёдрами. Почему ты поверил? Наверное, сам этого хотел! До того момента, пока Вован не переехал стопу Бакса, он навыдумал добрую сотню компрометирующих историй о Юле.

Дракон произнёс это так, будто это Вова лгал.

Пока мы созерцали, как Вованэ разжаловал Бакса в «человека прометнись», я думал о словах Дракона. Бакс же исполнял дриблинг ногами, а его глаза сбились в кучу. Он станцевал джигу. Вколотив в поверившего в себя бедолагу пару тройку фофанов, Бакс лишился привилегированного звания и титула «правой руки», превратившись в глашатаю... То есть «левого мизинца» на ноге Джэка!

– Уратмир, а ты хочешь узнать, как было на самом деле... Что думала она? Я могу приоткрыть замок тайны прошлого. Вова наврал тебе. Нагло наврал! Оклеветал Юлю. Она никогда не была очередной пустышкой Бакса. Второй раз их встреча окончилась пощёчиной слащёному эгоисту – эти формулировки Дракона закрались в меня гнусными сомнениями.

– Их родители были знакомы, её отец настоял на свидании Бакса и Юли. Она противилась этому как могла. Но совместный бизнес родителей не позволил ей отказаться от этой затеи – Дракон показывал мне краткие, но категоричные отрывки, сбивающие меня с толку.

– Та вечеринка у Вовы, на которой ты видел Юлю и скуп-

щика женских сердец, закончилась ничем. А точнее, жгучей оплеухой «Стрингеру». Ты же разбитый от увиденного плёлся домой. А обломавшийся и униженный Бакс звонил гопалям.

Какое-то бездонное разочарование затянуло простыней мои уставшие глаза. Я ведь не знал! Без выражения, тогда я утопил свои чувства. Связав им крылья и выбросив в бездну потерь.

– Вспомни, что ты ей сказал после? Последняя ваша мимолётная встреча? После того как Бакс уехал на реабилитацию за границу... Она подбежала к тебе, – Дракон тряс и будоражил мои безутешные воспоминания.

Я закатил ссору:

– Уратмир, подожди?! Эй! – так звала ослепшего от ненависти и злобы меня Юлия.

– Что!!! – со звериным гонором, обернувшись, сказал я...

– Уратмир... Ты спас нас... Ты спас меня...

Я не дал ей договорить.

– Я спасал свой мотоцикл, он стоял прямо под колесом обозрения... – сказал я.

Такой великолепный аргумент заставил её замолчать.

– Ты мне омерзительна! Я ненавижу тебя! Покуражилась с ним?! Понравилось?! Больше никогда не подходи ко мне!!! Самое худшее, что случилось со мной, это ты! – прыгнув на байк, я с пробуксовками исчез навсегда...

Сам себе я говорил: «Остановись», но тени прошлого ме-

ня не слышали... Так я остался со своей болью и обидой наедине. Расставшись, не успев даже попробовать... Грустный бит пробивал меня до дрожи. Я упал в своих глазах... Дракон добился, чего хотел... Вскрыв порочность и неразборчивость моих поступков... Продемонстрировав итог того, что могло стать великой любовью, но стало лишь разбитым ощущением...

Мы подобралась к промежуточному прологу. Странные ветра и сетевые фотоны вернули нашу пару обратно к чёрному пруду.

– Эпилог, Уратмир! К чему мы с тобой пришли? А к тому, что в один неожиданный момент, ты поставил на кон себя и свой выбор, длинною в прошлую жизнь... Ты невероятно ценный актив для *посредников*... Они трудились не подкладывая своих несуществующих рук, впитывая изъяны и ошибки твоей жизни, чтобы вымостить тебе дорожку на их жертвенный алтарь. Кропотливо и скрипя своими отсутствующими зубами, эти блики, пытающиеся обрести смысл в явном мире, ожидали *манящего* тебя в стяжке событий!

Дракон провёл своей странной рукой по большому кругу. А спустя секунды, я обнаружил невероятный мир. Тысячи таящих и теряющих постоянную форму рябящих пятен осыпали непостоянную вращающуюся воронку на месте чёрного пруда. Постоянный шум, как от жутких помех телевизора, сдавливал виски и морщил лицо. А пространство–время можно было ощутить сквозь возмущения и рябь.

Место, где зарождалась взаимосвязь энергии, где материя подшивалась в общий запрашиваемый смысловой ресурс! Место, где главное измерение – ноль, где нет разницы, с чем сравнивать, просто потому, что результат абсолютен и точен для любого, кто готов принять. Но принимать некому, этот мир лишь «адаптивный преобразователь»! Длина, масса, сила, время, температура, вещество, свет там лишь шелест! Наглухо запечатанный канал связи от эталона в субстанции. Не поддающийся изучению «базовыми теориями», преобразующий оптическое изображение *воли эталона* в сигнал для среды обитания пространственной подобности. Передающие запакрованную реляцию «вещного вещества» в явный мир для его явности.

– Уратмир, вот их сухая *подреальность*! Почва зыбуча, границ нет... Устойчивость лишь в мечтах, а мечты лишь неуловимое желание в ходе наблюдения за вами. В такой крошечной нестабильности эти проводники притягивают и отталкивают процесс возможного и невозможного. Комбинируют коммуникативную *необходимость*, достаточную стать *условием*. Запертые, но понимающие, что они есть...

Внезапно эта клетчатая размерность, с абсолютно вольною возможностью для фигуры на плоскости, заметила нас. Да, этот мир заметил нас... Пасущиеся стада пятен развернулись в нашу сторону... Я скупно и испуганно начал дёргать Дракона... Он сжалился надо мной и вернул нас на грешную землю...

Такие перепады *состояний* вызывали жжение и рвотные рефлексы. Мой крепкий и здоровый организм, дополняющийся отличным от других людей видением мира «зрячим взглядом», всё равно был взболтан. Меня мутило. Это отразилось на цвете моего лица. Но Дракон решил добить меня акапелла, ведь подпевать ему могла целая вселенная.

– Да, Уратмир, ты знаешь, что ваше прошлое – это рабство у древних земных рас, обитавших на земле... Тоже людей, но других... Современный землянин – это совсем другое существо, другая особь. Но откуда появились они? Откуда произошли те первые, изначальные прото–люди? Как вселенная дарует величайшую возможность «Познать себя как «Я»!». Кто вправе даровать? И дар ли это вообще? А может, возможность? А может, мука?

– В настоящий момент у меня нет инструментария тебе доказать свою позицию. Но есть упрощённые вещи, Уратмир, которые доступны любому индивиду. Спроси себя, землянин: «Может ли человечество произойти из одной пары людей?». Сию секунду, не бросайся в омут знаний и познаний науки, философии, социологии, генетики, биологии. Ориентировочно, ответ себе... «Может ли человечество произойти от одной пары, т.е. мужчины и женщины?»... Если, например, «Да», может! То спроси себя, человек, почему вы разной расы? Почему вы многонациональны, разнокожи? Могла ли первая и единственная пара людей быть по архитектуре другой? По природе другой? Иметь возможность де-

лать множество потомков? Жить дольше? Что являлось их структурностью гена? Выносимо ли признать, что они были другие?.. А значит, уже они не Вы! Но предусмотрено ли биологической природой рождение другого вида от другого? Внимание, Уратмир! Если у вас один предок, то вы, все люди, родственники... Вы, близкие, убиваете и обманываете родных... Первая пара могла быть как уникальной, с точки зрения наследственности, то есть иметь общую цветовую кожу, а могла быть утопией, без возможности на будущее... – Дракон смаковал...

– Что ты затаился, Уратмир! Ждёшь, напрягая скулы ответа?! Но я поиграю с тобой ещё. А если ответ будет: «Нет, не может!». Тогда кто и откуда вы? Вы, постоянно деградирующие особи? Или гибриды? А может, вы, наоборот, планомерно улучшающаяся эволюция? Химический взрыв абсурда, давший сумасшедшую вариативность молекулярным построениям? Честно говоря, если взглянуть на вселенную с очень далёкого далека, то вы даже не бактериальная хромосома, вы плоскость, но это я так, сказал то, что ты хочешь услышать. Нельзя взглянуть с такого ракурса и остаться прежним... Там нет идиом и ракурсов... – эти слова заставляли меня дрожать... Как–то прошибали насквозь, словно стуча мне в область груди, подбивая на странные мысли.

– Уратмир, что могло произойти в прошлом, чтобы появился человек? *Почему для вас, людей, это загадка?* Неужели!.. Неужели!.. Неужели!.. Вы, людское племя, не

знаете, откуда вы!!! Как вы живёте, если не знаете, кто вы?! Кто? Эволюция? Дар? Закономерность? Случайность? Божественная суть? Детерминизм проведения? Пробирка? Прозрачный лабораторный сосуд? *Какой из ваших капризных предков забыл записать или пересказать отпрыску суть своего происхождения?* Набор ложной информации? Цифра? Чьё–то заблуждение или вымысел? Или реальность, та, которая только и может быть? – он жаждал расправы над моими убеждениями...

– А если сам вопрос неправилен? Захочешь ли ты узнать о себе правду, человек? Захочешь ли ты узнать, для чего тебе зубы? Такие глаза? Столько рук и ног? Захочешь ли ты узнать правду о своих желаниях? Кто ты биологически и кто ты в мыслях? Где порог твоей воли? Когда ты стал есть мясо? На что ты вообще пойдёшь ради жизни? И почему такие кардинальные вопросы не ставятся сейчас? Почему есть тонкие, невидимые правила, которые не обрекают вас на полное глумление над собой. Почему иногда они действуют в отношении одних, а иногда не действуют в отношении других... К чему вы все стремитесь? К благам! Но ими одарены не все... Ведь если есть несправедливость, где–то есть и справедливость.... *Почему некоторые из вас стремятся провести, обокрасть и обмануть других, и озолотить себя, но если исчезнут другие, им нечего будет красть?* Верил ли ты, что целая вселенная – ваш дом? А что ты думал о человеке как об индивиде? Ведь ни один из вас не сможет жить без

своих собратьев. Вы – единая биологическая особь, способная к освоению и опыту только в тесной кооперации со своими сородичами... *Человек – это совокупность всего, понимающая себя как совокупность всего...*

– Дракон, это замечательный ликбез, но от этих беспощадных терзаний моих мыслей становится легче только тебе?

– Уратмир, я хочу, чтобы ты понял... Ты лишь человек. Непомерная ответственность свалилась на твое имя... Стечение нежелательных обстоятельств сделало тебя важной фигурой в системном кризисе, который неконтролируемым образом окутал вселенную. Меня пугает и расстраивает, что ты просто человек. Самое хлипкое и жалкое существо во вселенной. Вы слепы... Вы разрознены... Вы глухи... Вы обречены своим существованием... Как выбор универсума мог пасть на тебя? Как ты думаешь, где человеку было бы комфортней? Только *условия*, пресловутые *условия* вгоняют его в землю? – Дракон хитро взглянул на меня вновь...

– Но, Уратмир, если поразмыслить, то вся людская генетическая дряблость – это всего лишь обезвреживание вашей паразитической сущности. Человеческая хилость может быть блокирующей стеной для всей вселенной. Нужна ли идеальная планета вашему виду, вашей ДНК? Или ваша ДНК подстроится под условия? Вы хотите убежать, но вы и есть агония, от которой ищут спасения. Представь, Уратмир, что если ваш мозг и ваши желания в момент превратятся в творения, что произойдёт? Сколько времени будет нужно,

чтобы вселенная была разорвана тварями, сбежавшими или отпущенными из вашего подсознания, из ваших страхов и боли, ненависти и злобы. Вы, возможно, изгой? Посмотрите на ваши зубы, вы едите всё подряд. Неумность ваших желаний, непонимание границ и граней – вот вам их и придумали. Сковали ваше безумие разума в поле вечного блуждания, в искусственном коридоре мотивов и решений. Кто сказал, что вы жертва? Вы – безжалостная мысль, стремящаяся к уничтожению. Какой грех вы не совершали? На что сможет пойти человек ради улады своего стремления? Рамки нужны не для того, чтобы вам было комфортно, а для того, чтобы сберечься от Вас. Заметь, ведь вы не имеете возможности творить, а только создавать. Вопрос почему? Ничего личного! У вас есть только одно желание или стремление – обрести возможность творить, то есть выбраться... Справедливо можно спросить, почему бы вас просто не уничтожить, но это и отличает то, из чего вас изгнали, с тем, где вы заперты. Вы – липкий, страшный Спрут, который может сожрать безупречность.

– Дракон, я не могу понять тебя. То мы жалкие и бессмысленные. То нас стоит остерегаться. Скажи правду. Объясни, что знаешь.

– Вы – совокупная масса для переработки негативной пси-энергии. Человек и ему подобные второсортные существа, заражённые вирусом, обезличенные, превратились в фильтр для информационного потока... Ваше предназначе-

ние сводится к обслуживанию интереса... Ваша планета, как и многие подобные, являются отстойниками для обеззараживания *воли* первородных *творить*...

– Дракон, тогда зачем вообще стремиться к чему либо? Зачем мне ты? Зачем вы все? Что ты безнадежен, что все остальные, подлые, лживые и лукавые...

– Тебе, Уратмир, предоставлен шанс спасти свой народ... Возвысить его... Дать человечеству достойное место в этом универсуме... А попутно освободить меня и вселенную от гнёта первородных. А ещё нужно безотлагательно загнать этих посредников обратно в их функции. Я твой единственный друг в этом крошечном мраке... Помоги мне, а я не забуду тебя. Я избавлю людей от вируса, я подарю вас обновлённой, очищенной вселенной. Я, Вселенский Дракон, усажу вас на место первородных... Мы вместе вернёмся к истоку Инродверга... Восстановим закон. Исцелим организм вселенной... Исполним волю великого разума. Приструним эту муку, эту бойню, которой нет конца... Наша вселенная бесконечна, в ней хватит места всем, кто произойдёт здесь... Мы вместе с тобой прекратим жатву, развязанную великой распрей между Белым и Чёрным. Подумай, Уратмир, разве я предлагаю что-то ужасное? Наши мысли совпадают, мне известно это? Подумай над этим... Но знай, что времени остаётся немного... Многие древние первородные, узнав, кого скрывает твой *выбор*, захотят устранить тебя... Я не смогу защищать тебя вечно... А пока, прощай...

Глава II.

Лицом к лицу с посредником

Притча:

В далёкие и практически забытые времена, тогда, когда смерти ещё не было, немногочисленные проживающие под дневным светом тихо и размерено вживались в комфортные и равные условия жизни. В тот самый «запамятный» и пропитанный временной старостью момент жил да был простой и незаурядный житель. Существовал он мирно, честно и любя. Работал он усердно, всегда помогал нуждающимся, прощал любую необъективность в свой адрес, так как был уверен, что справедливость и правда, порождённая им, имеет что-то настолько важное, что нельзя поступать иначе. И стала его жизнь походить на настолько праведную, что консенсус равенства всех живых начал колебаться. Такое положение дел не замедлило заинтересовать противоположную сторону и Царя «мозаичного тёмного царства», который одной прохладной ночью решил навестить странного жителя и поговорить с ним.

Появившись во мраке поздних часов, Царь «поворотившейся исподней» своим приветствием немного смутил и напугал непогрешимого жителя. Ожидая такой осторожной и тревожной реакции, исчадие тёмного мира тут же задало тот вопрос, который заставил его предстать перед расшатывавшим хрупкий изначальный баланс жителем.

– Почему ты так ведёшь себя? – спросил темнейший Царь.

– В чём вина моя, о отроде лжи и обмана?

– Не вина твоя заставила меня прийти к тебе. А жизнь твоя.

– Ты хочешь прекратить жизнь мою, о создатель злобы и ненависти?

– Нет, нет житель... Разве я омерзителен или выгляжу по-дурному? Почему ты страшишься моего визита и думаешь, что могу причинить вред тебе?

– О владыка порока и разбоя, выглядишь ты как самый прекрасный из ныне живущих. Кожа твоя светится золотом. Глаза твои блестят голубым светом. Речь твоя приятна и прекрасна. Но нет в тебе правды томной, нет в тебе сожаления доброго, нет в тебе любви к окружающим. Я хочу узнать, что привело тебя ко мне, если не желание отнять нужное тебе?

– В том–то и дело, что нет у тебя нужного мне в отличие от других. У всех ныне живущих есть то, что принадлежит мне, а у тебя нет. Почему ты ведёшь себя так, что не замечаешь меня?

– Если я могу жить без тебя, Царь тьмы, то не нужен тогда, получается, ты? Боль и страдание приносишь ты многим. Не вижу смысла я в тебе. Поэтому и живу так.

– Не прав ты, житель. Но не поверишь мне. Хочу лишь попросить тебя, изменись. Веди себя как все, не ломай основу компромисса в этом тёплом мире.

– Ха, повелитель злобы и обмана, ты думаешь, что я от-

ступлю? Я только рад, если ты, родитель клеветы и страха, исчезнешь!

– Боюсь, не понимаешь ты многого. Не сможешь ты навредить мне. Но сможешь ты многое изменить. Только считаю я, что те изменения, которые ты, житель, спровоцируешь, никак не усилят праведную сторону. Они лишь изменяют правила и условия, не больше.

– Ты как всегда лжёшь, Царь тьмы!

– Я всё равно постараюсь переубедить тебя, житель, – с этими словами Царь тьмы покинул поверхность.

Но недолго удалось пожить спокойно и праведно жителю. Появилось на дневном свете другое существо, которое думало совсем иначе. Его целью стал обман и ложь. Взлелеял и взрастил этого жителя Царь тьмы, а затем прислал невежу, решившего идти по пути оскорбления, обмана и злобы, к смиренному и кроткому жителю. Придя в дом праведного, злобный невежа, воспользовавшись доверчивостью и открытостью хозяина, обокрал его. Затем, поселившись рядом, отравил весь скот его, после чего оскорбил его, а затем оклеветал его в глазах других жителей.

Настало время, когда царь Тьмы вновь решил посетить обречённого, растоптанного, униженного, оголодавшего жителя для того, чтобы поговорить с ним вновь.

– Здравствуй, житель. Вижу, ты продолжаешь упорствовать?

– Здравствуй, родитель злобы. Не сломить меня тебе. Не

получится у тебя и этого, натравленного тобой, моего нового соседа изменить меня.

– Опять ты ошибаешься, житель. Я не натравливал его на тебя. Я лишь встретил вас. А затем ты стал лишь демонстрацией итога своей праведности.

– Но тогда ты, Царь тьмы, должен знать, что не сломили меня лишения и тяготы, выпавшие мне. Не держу зла я. Как не было, так и нет горя и огорчения во мне.

– Но теперь, другие жители думают про тебя иначе. И даже те, кому ты бескорыстно помогал, презирают тебя. Где же справедливость? Что ты на это скажешь?

– Я знаю, что вылившаяся грязь на меня – это неправда! Мои дела и поступки глаголят об этом. Поэтому очерняющие слова не тронули меня и не коснулись. А правда всё равно потихоньку просачивается в других жителей. Клевета, словно шелуха, осыпается с моего имени. Вращённые противоречия и посеянные с языка цепного пса твоего рассеет ясность и постоянство благих деяний моих! Не получилось у тебя, идол, оправдать слова свои...

Рассмеялся Царь тьмы и сказал:

– А знаешь ли ты, житель, что слова злобы и клеветы всегда должны быть наказаны. Это закон жизни! Если же нет, то блуждают они по миру и множатся...

– Царь тьмы, а какое это может иметь отношения ко мне?

– Обернись, житель!

Внезапно праведный житель услышал, как у его соседа

раздался громкий крик. Его интонация заставляла красные тельца в жилах стынуть. Такого крика ещё никогда до этого момента не было. Увидел праведный житель, как злобный и нечестный человек умирает. А вокруг, словно ожившие, слова его осудили его.

– Царь тьмы, что происходит? Зло не может обидеть и тронуть зло?!

– Летали, летали слова и поступки его по свету и мраку, ширилась власть их. И в один день нашли они жителя, в отношении которого они оказались правдой!

– Но ведь зло и ложь не могут окончиться правдой?

– Поэтому зло, ложь и обман, добравшись до лгуна, призвали смерть, дабы не нарушать закон жизни. Погибель осудила и наказала ложь и зло! Теперь костлявая вхожа в ваш дневной мир! С этого момента, праведный житель, есть в мире смерть! Она взгромоздила на свои плечи контроль за справедливостью! У добра и зла появилась цена, эквивалентная погрешности около справедливости, а «старуха с клюкой» во веки вечные отправится собирать плату с этого отклонения в виде перегнувших палку жителей. Все рождённые отпрыски после этого будут равны, близки и в одинаковом праве на этот общий мир. Впредь каждый, кто подумает о гордыне, зависти, превосходстве, хитрости, лжи, обмане, убийстве, ненависти к равному, падёт на весы «сырой земли», где платой будет здоровье, годы, дух, ум, радость, доброта и любовь. Так условились два мира! Звать их бу-

дут с этой поры «люди». Человек и его семья поставлено на кон! А ты, мой друг, теперь будешь жить вечно, так как ты был единственным, кто оставался кристально праведным до смерти. И не коснётся тебя костлявая отныне никогда! Но я буду приходить к тебе на протяжении вечности! Дабы говорить с тобой, так как не будет мудрее и умнее тебя... А теперь хочу опять попросить тебя измениться, если же нет, то вновь и вновь будут происходить вещи, которые изменят поверхностный мир до неузнаваемости! Подумай пока! Посмотри на своих павших и изгнанных сородичей! Испей горе праведности! И задумайся, кого ещё тыпустишь в этот дневной мир? Я же приду к тебе попозже...

Что-то не так!.. Это первое что приходило мне в голову, после того как я открыл глаза. За последнее время мне приходилось слишком часто быть без сознания. Эта плохая привычка потихоньку начинала становиться моей обыденностью, перетекая в добрую традицию. Валяясь на бетонной особопыльной поверхности, моё тело, наверное, с виду напоминало произвольную композицию, которую осталось только очертить мелом. Упершись руками в пол, я попытался подняться. С трудом, но этот отчаянный рывок потихоньку удавался. Моё вертикальное положение и устойчивое состояние не принесло ясности в происходящее. Напротив, увиденное усугубило осознание и не без того затуманенного разума. Довольно неприятный и сухой ветер периодически толкал меня то с одной, то с другой стороны. Передо мной от-

крывалась ужасающая картина разрушенного мегаполиса. С крыши развалин небоскрёба эта утопичная перспектива просматривалась особо правдоподобно. Сомнительные мысли о катастрофе на моей планете тут же сменились пониманием, что моя персона в локации находится не на Земле, три солнца тускнели из-под серой массы пыли, смрада, дыма, соединивших небо и землю в единый безрадужный пейзаж.

– Что происходит? – произнёс я вслух.

Только что я был на планете, участвуя в эгоистичном турнире. Помню восторг взглядов после моей третьей победы. Помню голос. Да, этот голос, который впервые пришёл ко мне, когда я находился в сознании. Помню Дракона... Он таскал меня по моему прошлому...

Внезапно, кто-то позади меня громким и грузным шагом привлёк моё немного рассеянное внимание. Обернувшись, я увидел «крупнорогатого затейника», так называемого Чёрного Бога, который запланировал и затеял забавный план по порабощению Земли. Он, не спеша, больше даже вальяжно обходил вокруг меня, при этом надменно разглядывая полыхающим взором. Сухие порывы ветра растерзанной планеты, на которой мы находились, больше не мешали мне. Пыль не била в глаза, чувствовалось, что этой хрупкой комфортности поспособствовал снизошедший Бог. Он оградил моё тело от неприятных и удручающих ощущений. Оставались мгновения, как он должен был заговорить на презренном для его персоны языке, а шум городских руин и пронизывающие

вихри могли помещать ему адаптивно и, наверное, красноречиво изъяснится на примитивном языке.

– Уратмир, – тягучий голос действительно будоражил. Он мгновенно замедлил моё боевое поползновение в его сторону. Я, сам того не понимая, кротко остановился, включив логику, и заново начал перерабатывать да сопоставлять факты и события прошлого, пытаюсь прояснить, почему всё же оказался здесь. Но пресловутые *фактаж* и типаж миновавшего никак не давали мне внятных аргументированных ответов.

– Человек, тебе надо слегка снизить градус ненависти... Твоя плазма кипит... Мсть сладка, но послевкусие горчит.

Я нерасторопно перебил его:

– Не плазма, а кровь! Не ненависть, а гнев! Не мсть, а отмщение!

Он остановился, а на его огромной морде, по-моему, даже появилась улыбка.

– Кровь... Кровь... Да, то, что течёт в твоих венах, стучит в висках, циркулирует в твоём теле, задаёт такт твоему сердцу, даёт возможность для ритма пульса, а твой адреналин повышает твоё артериальное давление. Обычно его секреция у вас, людей, повышается при стрессовых ситуациях и он начинает пользоваться биологическими резервами, что парализует или ограничивает устойчивую работу нервной системы, а напряжение подменяет сознательность первичными эмоциональными, «инстинктивными, не всегда полезными замыслами». Твоя психика как продукт деятельности голов-

ного мозга в таком некомфортном ритме отказывается подавать правильные сигналы твоим окончательным рецепторам. Повышаются шансы на «неосторожность»... Разрушаются стимулы для эмоциональной эмпатии... Буквально, помутнение в разуме приводит к переоценке своих реальных возможностей.

Пламя этого зверя было очень спокойным. Становилось понятно, что он настроен на разговор.

– Человек, моя первородная сущность видит тебя насквозь... И ты один из немногих своего рода, кто хоть и отдалённо, да и во многом приблизительно понимаешь суть «насквозь». Твой генотип, формирующий фенотип, уже рассказал мне всё о тебе. Твои биологические реакции – дыхание, сужение сосудов, реакция нервных окончаний, которая обеспечивает передачу информации в виде нервного импульса, запах, пот, электричество по коже – дают мне возможность предугадать тебя, – зазнавался страшила очень плавно, но явно по накатанной системе! С изрядной долей высокомерия и надуманной важности продолжал кружить вокруг меня и при этом с паузами продолжал пламенно говорить.

– Даже когда ты молчишь, я всё знаю. Сейчас ты, землянин, уже слегка понимаешь: Что? Зачем? Почему ты здесь? Это нужно мне. Я Чёрный Бог должен разобраться с неким незначительным нюансом... Зависимость вселенской публики от истощения ответственности заставляет пренебрегать исключениями и в частном порядке являться на периферию

колких событий.

Да, только с такой непомерной любовью к себе можно так пренебрежительно относиться ко всем остальным. Кротость и трепет всех остальных перед ним была основной его неповторимой чертой. Его статус – «Фараон», а полномочия – «Детектив».

– Не бойся! У меня нет желания убивать тебя.

Примечание: лицо освобождено от уголовной ответственности по причине, предусмотренной создателем: «Бессмертный», «Добровольно невиновный», «Предварительно вне подозрений», «Лично против любых обвинений», «По совпадению, тот самый “Кому можно!”».

Мгновенно я перебил его:

– Ты ведь всё знаешь? Так почему думаешь, что я боюсь? – в нём словно вообще не было эмоциональных внешних сигналов. Признаки чёрной безупречности вызывали странные послы и сумятицу в моей голове, приходилось периодически испытывать мгновения покорности перед его чёрной волей. При этом речь вообще не шла о брезгливости к его неординарным наследственным проявленным лицевым признакам.

– Ты же понимаешь, что моя фраза лишь речевой оборот, который в доступной для тебя форме позволил мне, выбрав риторику, пренебрежительно указать тебе своё первородное намерение на сегодняшний разговор. Уратмир, земной юноша, не по годам мудрый, я хочу произнести тебя, да, именно

произнести тебя. Давай добавим к вашей условной, примитивной речи нечто большее. Ты сможешь это *воспринять*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.